

РУССКО-КРЫМСКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ РАЗМЕНЫ 1623–1627 ГОДОВ

А.В. Виноградов,

кандидат исторических наук,

г. Москва

На основе архивного материала автор показывает роль городов-крепостей Белгорода, Валук и Ельца в осуществлении дипломатических связей между Российским государством и Крымским ханством в период обострения международных отношений в Восточной Европе связанным с династическим кризисом в Крымском ханстве 1623–1627 годов. Автором показана ключевая роль городов-крепостей Белгорода, Валук и Ельца в проведении русско-крымских посольских размен в условиях постоянной угрозы их срыва по вине крымской стороны и координацию воевод этих городов-крепостей с Посольским приказом при следовании в Крым и обратно русских и крымских посольств.

Ключевые слова и фразы: русские «разменные послы», русские посольства в Крым, крымские посольства в Москву, русские посольства в Крым, города-крепости Белгород, Валуйки, Елец, река Урава, Посольский приказ.

Русско-крымские посольские размены 1620–1622 гг. как фактор стабилизации русско-крымских отношений

Сложившиеся на завершающем этапе Смуты русско-крымские отношения к началу 20-х годов XVII столетия сохраняли характер близких к союзным. Они определялись наличием договора 1614 года, сохранение в силе которого было подтверждено обеими сторонами после заключения Деулинского перемирия 1618 года. При всех русско-крымских переговорах в течение 1619–1622 годов как при посольских разменах, так и в ходе исполнения посольств обеими сторонами и в Москве, и в Бахчисарае в принципе допускалась возможность возобновления Российским государством войны против Речи Посполитой¹. Сохранение русско-крымского союза одобрялось Портой, особенно в условиях ее военного конфликта с Речью Посполитой, что явилось причиной интенсификации русско-турецких дипломатических контактов². Активизация турецкой дипломатии «на московском направлении» в Бахчисарае воспринималась с большим интересом и вниманием³.

Дипломатические «ссылки» между Москвой и Бахчисараем в 1619–1622 гг. носили интенсивный характер и были четко определены рядом договоренностей. Обмен посольствами с 1620 года носил постоянный характер и осуществлялся посредством посольских размен. Они происходили у крепости Валуйки на реке Ураевой. Размены сопровождались переговорами русских «разменных послов» и крымских «встречников», на которых определялись задачи,

стоящие перед новыми посольствами и рассматривались претензии сторон друг к другу в основном материального характера. С русской стороны «разменными послами» назначались лица из состава государева двора в чине окольничих, с крымской стороны глава рода Яшлавских – «князей Сулешевых», которым в это время являлся Ибрагим-паша. Предусматривалась встреча вновь отправляемых в Крым и возвращающихся оттуда русских посланников с целью обмена оперативной военно-политической информацией о положении дел в Крымском ханстве. И вновь отправляемые и возвращавшиеся посланники наряду с «разменными послами» участвовали в переговорах с крымским «встречниками». Обеспечение безопасности пребывания и русского и крымского посольств в Валуйках возлагалось на воеводу крепости, которым в 1620–1623 гг. являлся Михаил Иванович Лодыженский⁴. В обязанности воеводы крепости вменялось отправление разъездов к Донцу для получения сведений о приближении посольств со «встречниками». Он должен был подготовить переход посольств через реку Ураву посредством сооружения навесного моста. Размена проводилась в определенном «старом месте». Русские «проводящие» сопровождали новые посольства до Донца. Переправа через него осуществлялась около «Святых гор». Предусматривалась координация действий воеводы Валук с воеводами крепостей по маршруту следования посольств. В течение 1620–1622 годов все размены прошли без осложнений с высокой степенью координации действий «разменных послов» с воеводой Валук и результативными

переговорами «разменных послов» с главным крымским «встречником» Ибрагимом-пашой⁵. Пребывание русских и крымских посольств в Валуях не было продолжительным. Обе стороны в целом обеспечивали синхронность подхода посольств к Ураевой. В начале 1623 года в Посольском приказе началась подготовка к очередной посольской размене. Однако прибывшие в марте 1623 года в Валуи русские и крымские посольства смогли выступить к Ураевой только в конце июля. Размена была отложена из-за смены хана в Крыму и положила начало периоду «отложенных» и сорванных посольских размен 1623–1627 гг. ознаменовавшихся дестабилизацией, а затем и ухудшением русско-крымских отношений в целом.

Смещение хана Джанибек-Гирей и начало дестабилизации русско-крымских отношений в период внутривосточного кризиса в Крымском ханстве

В декабре 1622 года в Крым с извещением о готовности русской стороны к очередной размене был отправлен гонец служилый татарин Кирилл Байберин. В январе 1623 года очередными посланниками были назначены Я.О. Дашков и подъячий В. Волков, а «разменными послами» окольничий князь Д.И. Долгоруков и дьяк А. Новиков⁶. В начале 1623 года М.И. Лодыженского сменил в Валуях Владимир Прокофьевич Ляпунов. В феврале 1623 г. ему была послана указная грамота об отправлении в Валуи посольства Я.О. Дашкова и В. с отпущенным крымским посольством Джан Казы-мурзы в сопровождении «разменных послов»⁷. Выступившие из Москвы 18 февраля посольства и «разменные послы» в марте прибыли в Валуи. Ожидание «встречников» по непонятным причинам затянулось до июня. В Посольском приказе было решено отпустить прибывшего в Москву уже после выступления посольств к Валуям крымского гонца Рахмата Алея вместе с толмачом Посольского приказа Андреем Раковым⁸. Прибывшие в Валуи 20 апреля крымский гонец и русский толмач были немедленно отправлены в Крым, однако никаких известий о приближении «встречников» с обеими посольствами не было. Только 8 июня в крепость прибыл отпущенный из Крыма гонец К. Байберин с крымскими гонцами во главе с Магмутом, сообщившие о приближении посольств и «встречников» во главе с Ибраги-

мом-пашой Яшлавским – «князем Сулешевым». Была объявлена причина затягивания размены – в Крыму произошел переворот. Смещенный Портой хан Джанибек-Гирей и его калга Девлет-Гирей и нурадин Азамат-Гирей поспешно бежали в Стамбул. Новым ханом стал вызванный из ссылки с острова Родос Мухаммед-Гирей III. Калгой с согласия Порты он назначил пребывавшего при дворе персидского шаха Аббаса I своего брата Шагин-Гирея. К. Байберин и крымские гонцы были немедленно отправлены в Москву⁹. Со смещением с престола хана Джанибек-Гирея терял силу заключенный с ним и закрепленный его шертью договор 1614 года. Терял силу и договор 1614 года с И Яшлавскими-«Сулешевыми», подтверждавший их привилегии при «ссылках» с Москвой. В Посольском приказе успели подготовить новый текст шертной записи, которая должна была стать основой шертной грамоты, и новый текст шертной записи, на которой должен был шертовать Ибрагим-паша. Эти документы и новые инструкции посланникам были доставлены из Москвы 26 июня, накануне выступления посольств из Валуек к месту размены¹⁰. К вечеру оба подошли к реке Ураеве. 27 июня был поставлен навесной мост. 28 июня к реке во главе крымских «встречников» прибыл Ибрагим-паша с посольствами. Первоначально толмачи «в лучших традициях» получили от него отказ ехать за реку и предложение «съехаться на мосту». Затем днем последовали переговоры с его эмиссаром Апсаметом, прибывшим за реку. Вечером последовали переговоры с Ибрагимом-пашой, который прибыл за реку со своим сыном Сулейманшей-мурзой и приближенным Апсаметом. Глава клана Яшлавских сообщил, что он по прежнему контролирует ход русско-крымских «ссылок» и сохранил место в диване нового хана. «Разменные послы» заняли жесткую позицию о выплате ему и представителям его клана «разменного» жалования, обусловив его содействием в принесении шерти новым ханом. Подчеркивалось, что новая шертная грамота будет аналогична документу 1614 года. Было решено вновь привести Ибрагима-пашу к шерти с подтверждением своих обязательств¹¹. 29 июня шли приготовления к «официальным» переговорам с крымцами. 30 июня прошли переговоры с Ибрагимом-пашой и принесение им шерти. В них участвовали и отпускаемые и вновь отправляемые в Москву и Бахчисарай русские и крымские послы, и посланники, а также выбранные из числа крым-

ских «встречников» Ибрагимом-пашой мурзы, все принадлежавшие к клану Яшлавских. Церемониальная часть включала в себя торжественную встречу Ибрагима-паши у шатра, обращенную к нему приветственную речь. Деловая часть переговоров, как всегда, ознаменовалась препирательствами со стороны крымцев относительно количества выплат Гиреям и жалования знати. Озвученная «разменными послами» цифра – деньгами тысяча рублей хану, пятьсот рублей калге, семь тысяч «рухлядью» всем «царю, царевичам и царицам» Ибрагима-пашу не устроила, но князь Д.И. Долгоруков и дьяк А. Новиков от обсуждения выдвинутых претензий в жесткой форме отказались. Также были оставлены без внимания и претензии о нападениях донских казаков на османские владения. Было жестко отвергнуто требование Ибрагима-паши «дать правду разменными послами» о соответствии озвученных ими суммы выплат с реальным количеством «посылки» отправляемой в Крым, как не соответствующего практике предшествующих размен. Переговоры завершились принесением шерти Ибрагимом-пашой и традиционным пиром¹². Ибрагим-паша гарантировал безопасность пребывания русских посланников в Крыму и содействие в их следовании в Крым и обратно. Он от имени хана гарантировал прекращение крымских нападений на «украины» Российского государства¹³. 1 июля после прибытия Апсамета была оговорена выдача «встречного жалования» новым крымским послам во главе с Мустафой-мурзой и произошла размена¹⁴. Итог размены с первым посольством нового хана был удачным, поскольку контроль над «ссылками» Москвы и Бахчисарая по-прежнему находился в руках клана Яшлавских. Однако смена хана могла иметь непредсказуемые последствия.

И на размене и после прибытия «разменных послов» в Москву от них были получены подробности смены хана в Крыму. Джанибек-Гирей бежал из Крыма в Стамбул вместе с калгой и нурадином и «с толпой родичей и приближенных»¹⁵. Однако цвет крымской знати в том числе и Ибрагим-паша приветствовали Мухаммед-Гирея III при его вступлении в Бахчисарай 15 мая 1623 года¹⁶. Причины детронизации Джанибек-Гирея русским дипломатам были не ясны. В отечественной историографии до сих пор нет этому ясного объяснения¹⁷. При этом признается, что она имела огромные последствия для всей системы межгосударственных

отношений Крымского ханства. С 1613 года в Москве привыкли рассматривать Джанибек-Гирея как капризного, неуступчивого и алчного, но тем не менее предсказуемого «партнера». Личная позиция хана по отношению к Речи Посполитой характеризовалась как резко враждебная, что отразилось фактическим состоянием войны Крымского ханства с «литовским королем».

Добрососедские отношения с Москвой, вероятно, мыслились Джанибек-Гиреем как единственно возможное в тот период поступление «материальных средств» и ситуационное сотрудничество в конкретной военно-политической обстановке. Его положение после 1619 г. осложнилось и привело к смещению с престола в апреле 1623 года. Это положило начало новому периоду политической нестабильности в Крымском ханстве.

Осознание собственной внешнеполитической линии, или по меньшей мере, собственного представления о внешнеполитическом положении Крымского юрта, помимо позиции Порты и «царевичей»-султанов Гиреев, находящихся в Крыму, определялось для Джанибек-Гирея позицией его «ближних людей». С 1613 года в Москве убедились, что среди них отсутствовали лица, враждебно относящиеся к «доброму делу». В целом все донесения трех первых русских посольств сходились на том, что явных врагов среди Гиреев, оставшихся в Крыму, у Джанибек-Гирея нет. Основной угрозой ему являлись сыновья Сеадет-Гирея II – Шагин-Гирей и Мухаммед-Гирей. Фактор Шагин-Гирея, находившегося «у кызылбашского», обозначился в русской посольской документации уже вскоре после возобновления «ссылок» с Крымом в 1613 году¹⁸.

Во всех без исключения сохранившихся инструкциях русским посланникам с 1613 года содержится указание «проведовати где ныне Шагин-Гирей царевич», причем нередко соседствуя с указанием «проведывати прочен ли царь на Крыме»¹⁹. Сведения о появлении Шагин-Гирея «у кызылбашского» были сообщены вернувшимся в июне 1615 г. из Ирана послами М.Н. Тихановым и подьячим А. Бухаровым. В представленном ими статейном списке были подробно указаны обстоятельства появления «царевича» при дворе шаха Аббаса²⁰. Шагин-Гирей был не сыном, а пасынком Мурат-Гирея. Его отцом был старший сын Мухаммед-Гирея II Сеадет-Гирей. Шагин-Гирей и его брат Мухаммед-Гирей являлись старшими предста-

вителями династии крымских ханов. Это подчеркивалось еще в наказе 1614 года посланникам князю Г.К. Волконскому и П. Овдокимову²¹.

О пребывании Шагин-Гирея при шахском дворе было к этому времени известно в Крыму, о чем «разменному» послу князю Г.П. Ромодановскому было сообщено во время переговоров с Ахмед-пашой Яшлавским под Ливнами в 1614 г. Ахмед-паша не скрывал своей озабоченности появлением Шагин-Гирея при дворе шаха, но объяснял это опасением гнева султана за его участие в азиатском мятеже²².

Фактор угрозы со стороны Шагин-Гирея признавался русской дипломатией как очень серьезный при определении внешнеполитической линии Джанибек-Гирея. Уже в статейном списке А.И. Лодыженского говорилось о том, что «царь же боитца Шагин-Гирея царевича»²³. В конце 1617 года калга Девлет-Гирей выразил при переговорах с посланником А.И. Лодыженским обеспокоенность дружескими отношениями сложившимися между Шагин-Гиреем и новым султаном Мустафой II, в то время наследником престола, и не исключил его призвания в Крым²⁴. С проблемой Шагин-Гирея в донесениях всех русских дипломатов в Крыму с 1613 года увязывалась угроза его союза с бием Иштереком. Амбициозный правитель Большой Ногайской орды вообще считался главной внешнеполитической угрозой Крымскому ханству. Это определялось его явным стремлением к воссозданию Ногайской Орды. Эти опасения крымского хана разделялись Москвой и являлись одной из главных тем дипломатических переговоров в Крыму с «ближними людьми хана». К 1623 году проблема Иштерека сошла на нет, однако Шагин-Гирей, имея связи с кавказскими правителями и действуя в русле политики шаха Аббаса, представлялся серьезной фигурой²⁵.

Теперь Мухаммед-Гирей водворившись на бахчисарайском престоле призвал из Персии своего брата вернуться в Крым в качестве калги. Смена на престоле неизбежно вела к серьезным изменениям в расстановке сил среди крымской политической элиты. Правда Ибрагим-паша бек Яшлавский («князь Сулешев») казался сохранил контроль над крымскими «ссылками» с Москвой. Однако было неясно, каковы будут отношения Порты с новым ханом и его первым и вторым наследником.

Правительство царя Михаила Федоровича стремилось сохранить «ссылки» с Крымом

в любых, даже самых тяжелых условиях. Первой и вполне очевидной задачей являлось переключение договора с Крымом, посредством приведения к шерти хана, его калги, нурадина и «ближних людей». Она была поставлена уже перед посольством Я.О. Дашкова и В. Волкова. Предварительно необходимо было закрепить отношения с кланом Яшлавских-«Сулешевых» посредством приведения к шерти Ибрагима-паши. Эта задача, казалось, была выполнена «разменными послами» при посольской размене под Валулками 26 июня – 1 июля 1623 года. Однако, как показали дальнейшие события, он не имел желания и возможностей ни гарантировать безопасность русских посольств в Крыму, ни обеспечить заключение очередного русско-крымского договора на приемлемых для Москвы условиях.

Пребывание всех четырех русских посольств в Крыму с июля 1623 года по август 1629 года приходилось по сути на сменяющие друг друга фазы внешнеполитической и внутривосточной нестабильности Крымского юрта. Это длилось до весны 1629 года, когда хан Мухаммед-Гирей III и Шагин-Гирей наконец были изгнаны из Крыма и на престоле окончательно утвердился хан Джанибек-Гирей. Это явилось завершением неуклонно развивавшегося все эти годы конфликта Шагин-Гирея с Портой. Его вмешательство в исполнение русских посольств в Крыму приводило к перманентным конфликтам. Отпуск всех русских посольств задерживался и почти всегда находился под угрозой срыва. Тормозилось осуществление посольских размен. Общая неопределенность русско-крымских отношений на фоне обострения военной ситуации в причерноморской степной зоне в ходе конфликта Кантемира-мурзы с Шагин-Гиреем придавала исключительную сложность проведению посольских размен. В этот период возросло значение «украинных» городов-крепостей Валуек, Оскола, Ельца и Белгорода, что выразилось в назначении туда воеводами чинов государева двора, ранее задействованных в «ссылках» с Крымом. Проведение всех посольских размен 1624–1627 гг. представляло для воевод в Валуках трудную задачу, связанную с проблемами обеспечения пребывания находящихся длительное время в крепости отпускаемых и направляемых крымских и русских посольств, и в отношении безопасности и в отношении логистики.

**«Отложенная» посольская размена под
Валуйками в декабре 1624 года**

Начальный период пребывания в Крыму посольства Я.О. Дашкова и В. Волкова с июля по октябрь 1623 г. ознаменовался их фактической изоляцией: аудиенция у хана была отложена по причине его выступления в поход против Буджакской орды Кантемира-мурзы. Посланники, находящиеся под строгим надзором, были лишены возможности известить Москву о сложившемся положении, которое сохранялось и в дальнейшем после возвращения хана в Крым. В Посольском приказе отсутствие сведений о положении в Крыму вызвало серьезную обеспокоенность и потребовало принятия срочных мер. Было решено отправить в Крым гонцов, служилых татар для прояснения ситуации. Воеводе в Валуйках В.П. Ляпунову предписывалось обеспечить быстрое следование в Крым двух миссий служилых татар – в августе 1623 г. Гаврилы Зянгилдеева²⁶ и в сентябре 1623 г. Льва Фийгилдеева²⁷. Оба гонца были задержаны в Крыму. 29 ноября 1623 года Мухаммед-Гирей III наконец принял посланников и шертовал на тексте русско-крымского dokonчания. Однако текст договора был изменен крымской стороной, а к шерты вслед за ханом не были приведены согласно обычаю его «ближние люди». Отказался шертовать и нурадин. В течении декабря посланники вели напряженные переговоры с «ближними царевыми людьми» об изменении текста договора и повторного принесения шерты ханом. В конечном итоге в этом им было отказано до прибытия в Крым калги Шагин-Гирея. 26 декабря 1623 г. посланники в очередной раз отказались принять представленный крымцами для отправления в Москву текст шертной грамоты, но под угрозой насильственного выдворения приняли решение направить копию шертной грамоты в Москву для получения новых инструкций. Крымская сторона восприняла это как согласие на принятие шертной грамоты и 30 декабря 1623 г. Ибрагим-паша объявил посланникам о согласии хана на посольскую размену. В Москве ничего не знали о событиях в Крыму. В конце 1623 года было решено начать подготовку к посольской размене без получения согласия на нее крымской стороны. Этот не имеющий аналогов в осуществлении русско-крымских размен шаг, как показали дальнейшие события, был оправдан.

В конце декабря 1623 года вновь был отправлен опытный служилый татарин К. Байберин

прибывший в Бахчисарай 19 февраля 1624 г.²⁸ Ему предписывалось прояснить ситуацию с перезаклучением русско-крымского договора. Еще до его прибытия в Крым посланники Я.О. Дашков и В. Волков отправили в Москву 1 января 1624 г. приданных посольству служилых татар Кулуша Кашаева и Уразбека Кулушева²⁹. Хан отправлял с ними гонцов во главе с Магмутом. Ко времени их прибытия в Москву новыми посланниками в Крым 11 января 1624 г. уже были назначены Осип Яковлевич Прончищев и подьячий Рахманин Болдарев³⁰. Главная задача посольства заключалась в приведении к шерты Мухаммед-Гиря III вместе с нурадином и «ближними людьми». Отправление нового русского посольства и отпуск посольства Мустафы-мурзы состоялось только после прибытия крымских гонцов и получения вестей от посланников. О том, что из Крыма через Валуйки следуют крымские гонцы и отправленные посланниками служилые татары, в Москве стало известно к 10 февраля, когда началась рассылка указных грамот о встрече крымцев воеводам в Тулу и Серпухов³¹. По прибытии крымских гонцов их аудиенция у государя была отложена до осуществления «расспроса» в Посольском приказе. Он показал сложность ситуации с перезаклучением русско-крымского договора и обозначившейся угрозой ухудшения русско-крымских отношений в целом³². В Крыму ожидалось прибытие Шагин-Гирея, который еще в октябре прислал к посланникам своего эмиссара с фактическим отказом приносить шерть на тексте русско-крымского «dokonчания». Подготовка к размене ускорила. 18 февраля 1624 года «разменными послами» были назначены окольниковый Артемий Васильевич Измайлов и дьяк Федор Степанов³³. Отпускались посол Мустафа-мурза с тридцатью шестью «товарищами» и семнадцать прибывших позднее крымских гонцов во главе с Магмутом. Посольским караваном предписывалось двигаться традиционным маршрутом «до Серпухова, до Тулы и до Волуек». Наказ «разменным послам» содержал традиционные условия проведения размены: двигаться из Волуек к Ураевой только после подтверждения сведений о приближении крымских «встречников»; размена должна была состояться в «прежнем крепком месте», государеву казну («посылку») при размене велено было «беречь», «провожатым» после размены следовало сопровождать русские и крымские посольства только до Донца³⁴.

Особо отмечалось, что на реке Ураевой должен быть установлен навесной мост. Инструкции относительно осуществления размены были жесткие: перед предварительными переговорами в русский лагерь отпускались посланники Я.О. Дашков и В. Волков; переговоры вести только в «съедем шатре», а не на мосту, ссылаясь на традицию предыдущих размен; жалование «разменным» мурзам должно быть выдано только после завершения переговоров; любые требования крымской стороны об изменениях порядка размены отвергались как «хитрости». Еще более жесткими были инструкции относительно проведения с Ибрагимом-пашой переговоров политического характера: требование повторного принесения шерти хана с учетом претензий отмеченных посланниками Я.О. Дашковым и В. Волковым, которые они должны были изложить лично при своем участии в переговорах; отказ от претензий относительно нападений на крымские (ногайски) улусы и османские владения донских казаков; отказ от претензий о «недовыплате» поминок запросных денег и хану, и Гиреям, и жалования знати³⁵. Вероятность осложнений на размене в Посольском приказе явно учитывалась, что подтверждало назначение первого «разменного посла» – окольничего А.В. Измайлова³⁶. Одновременно с назначением «разменных послов» в Крым был послан гонец служилый татарин Амангилдей Бинюков³⁷. С ним посылались инструкции посланникам, которым предписывалось повторно привести к шерти хана на русских условиях до осуществления размены. Воеводе В.П. Ляпунову было предписано обеспечить немедленное отправление гонца из Валук в Крым³⁸. 26 февраля 1624 гонец Магмут был принят в Посольском приказе вместе с послом Мустафой-мурзой и сообщил о согласии крымской стороны на размену. 28 февраля 1624 г. последовала отпускная аудиенция у государя послов Мустафы-мурзы «с товарищи» вместе с вновь прибывшими гонцами во главе с Магмутом. 9 марта 1624 года «разменные послы» с обеими посольствами выступили из Москвы и 18 апреля 1624 г. прибыли в Валуйки, где В.П. Ляпунова уже сменил Никита Федорович Панин³⁹.

Там уже был готов навесной мост и приняты обычные меры по высылке разъездов к Донцу «дождаться вестей от крымских встречников». Крымские послы также послали «крымского татарина» которого провожали до Донца ливенские казаки из состава «провожатых»⁴⁰. Перво-

начально ни в Москве, ни в самой крепости не рассчитывали, что пребывание посольств там затянется на много месяцев, однако учитывая опыт предыдущего года, в Посольском приказе уже после отправления обеих посольств в Валуйки приняли дополнительные меры. В апреле 1624 года в Крым был отправлен гонец служилый татарин Богдан Исенчюрин. Он вез указные грамоты посланникам Я.О. Дашкову и В. Волкову с предписанием ускорить их отпуск из Крыма. В указной грамоте посланникам, учитывая опыт затягивания прошлогодней размены, при отпуске предписывалось оказывать давление на Ибрагима-пашу с тем, чтобы обеспечить быстрое выдвижение к Валуйкам. Б. Исенчюрин также повез грамоту царя Михаила Федоровича хану Мухаммед-Гирею III с извещением об отпуске крымского и направлении русского посольств⁴¹. Б. Исенчюрин благополучно проследовал через Валуйки и 24 мая прибыл в Бахчисарай⁴². В дальнейшем выяснилось, что привезенные им инструкции посланникам по ускорению размены не могли быть реализованы. Б. Исенчюрин был задержан в Крыму. В деле по отпуску Б. Исенчюрина обращают на себя внимание важные детали, свидетельствующие об изменениях в подготовке размены. Весной 1624 года воеводой в Белгород был назначен опытный дипломат и управленец Абросим Иванович Лодыженский⁴³. При подготовке «пакета документов» по отпуску Б. Исенчюрина ему в Белгород была отправлена указная грамота с изложением цели миссии гонца и маршрута его следования⁴⁴. Это было новшеством в делопроизводстве Посольского приказа по связям с Крымом и в дальнейшем повторялось практически при всех отпусках гонцов перед разменами. А.И. Лодыженскому, судя по всему, предназначалась роль координатора воевод «украинных городов» при осуществлении посольских размен.

15 мая 1624 г. «разменные послы» провели в Валуйках переговоры с крымскими послами во главе с Мустафой-мурзой с целью активизировать их «ссылки» с Крымом. Крымские дипломаты высказали озабоченность отсутствием известий от своих «встречников», но от реальных мер по прояснению ситуации уклонились⁴⁵. В ожидании прошло два с половиной месяца. 31 июля 1624 г. Был получен «с Дона» «список крымских вестей» от находящегося в Азове посланника Ивана Бегичева, немедленно посланный в Москву⁴⁶. Ситуация в Крыму кардинально изменилась: Порта сместила хана

Мухаммед-Гирей III с престола. В Кафе с османскими войсками высадился вновь назначенный хан Джанибек-Гирей. Из-за этого менялись и задачи «разменных послов» и цели нового русского посольства, которое должно было приводить к шерти уже нового-старого хана. Это было последнее донесение от посольства И. Бегичева, которое было истреблено Шагин-Гиреем после разгрома им османских войск и взятия Кафы. В Валуйках о ходе борьбы за бахчисарайский престол ничего не знали, но было ясно, что в Крыму происходят важные события. 5 августа 1624 г. «разменными послами» были предприняты переговоры с крымскими послами во главе с Мустафой-мурзой. Крымцам в очередной раз было предписано отправить своих людей из состава посольства в Крым для прояснения ситуации. Послы опять отказались. Между тем в Москву стали поступать отрывочные сведения о событиях в Крыму. 26 августа 1624 г. получена указная грамота об отправлении всех посольств из Валуйки в Елец через Ливны. 28 августа 1624 г. «разменные послы» уведомили крымских послов о решении Москвы, но те показали явное нежелание покидать Валуйки⁴⁷. Крымцы тянули время, но 8 сентября через пристава Л. Извольского им было передано ультимативное требование выступить из Валук, что и произошло на следующий день⁴⁸. 17 сентября оба посольства прибыли в Ливны⁴⁹. Крымские послы категорически отказывались отправляться из Ливен в Елец. Впрочем, в Посольском приказе с отправкой в Елец не спешили. Только 16 октября была получена указная грамота о выступлении посольств из Ливен в Елец⁵⁰. Контингенты «провожатых» были распущены⁵¹. 18 октября 1624 г. оба посольства выступили из Ливен в Елец. 22 октября туда из Валук прибыл следовавший в Москву русский гонец служилый татарин Амангилдей Бинюков с известием об отпуске из Крыма посольства Я.О. Дашкова и В. Волкова. Бинюков сообщил о ситуации в Крыму. Хан Джанибек-Гирей бежал из Кафы в Стамбул, после чего крепость была занята калгой Шагин-Гиреем. Впрочем, он скоро ее покинул, так как хан Мухаммед-Гирей III изъявил «покорность» Порте и в сентябре 1624 г. был «прощен» султаном. На положение посольства Я.О. Дашкова и В. Волкова эти события отразились негативно. Ставший всемогущим калга Шагин-Гирей обусловил свое согласие на перезаключение договора с Москвой невыполнимыми требованиями увеличения ему количества поминок и запро-

шенных денег. Все переговоры посланников с «ближними людьми» хана по поводу повторного принесения им шерти завершились провалом. Мухаммед-Гирей III посчитал текст договора, на котором он шертовал 29 ноября 1623 года, окончательным и согласился на размену только на этих условиях. К тому же в текст шертной грамоты вносились новые изменения: он предусматривал обязательства государя «свети казаков с Дона». В приведении к шерти калгу и нового нурадина Азамат-Гирей хан отказал, однако и требования калги считал чрезмерными. После переговоров с «ближними царевыми людьми» посланники вынуждены были согласиться на свой отпуск на этих условиях, рассчитывая на изменение ситуации в Крыму. На самом деле отпуск посольства еще был под вопросом из-за непримиримой позиции калги Шагин-Гирей, угрожавшего заблокировать его. Тем не менее «разменные послы» в Ельце исходили из того, что размена состоится в ближайшее время. 24 октября пристав Л. Извольский извещает крымских послов о получении известий о выступлении отпускаемых и направляемых в Москву посольств из Крыма. 25 октября состоялись переговоры, на которых крымские послы требовали получения подтверждения согласия хана на размену по традиции с крымскими гонцами⁵². Впрочем, многоопытного А.В. Измайлова упрямство крымских послов не смущало: он был уверен в том, что Москва после получения известий из Крыма возобновит подготовку к размене. Уже 29 октября по материалам Разрядного приказа (Ф. 210. Оп 6. Д. 15) «ратных людей указал государь послати на Волуйку для посольские розмены». Указные грамоты были отправлены воеводам в Белев, Лебедянь и на Оскол⁵³. Главная роль в формировании провожатых, как всегда, отводилась Валуйкам. Воеводе Н.Ф. Панину предписывалось «выбрати на Волуйку волуйских стрельцов и казаков конных 200 ч. лутчих» и отдать их «разменным послам» по прибытии в Валуйки⁵⁴. Об этом были оповещены и «разменные послы»⁵⁵. 5 ноября 1624 г. была отправлена указная грамота в Валуйки с предписанием усилить меры по оповещению о подходе крымских «встречников»⁵⁶. 8 ноября 1624 г. «разменными послами» была получена указная грамота о выступлении в Валуйки⁵⁷. 11 ноября 1624 г. оба посольства выступили из Ельца и 17 ноября прибыли в Оскол⁵⁸. Здесь воевода Н.Ю. Плещеев присоединил к посольскому каравану прово-

жатых. 21 ноября посольства двинулись в Валуйки, куда прибыли 26 ноября. В Валуйки прибывали «зборщики» посланные для сбора ратных людей с контингентами из Мценска, Черни, Новосили, Ливен и Ельца. Воевода Н.Ф. Панин несколько раз высылал разъезды к Донцу. Наконец 3 декабря получены известия о приближении русского и крымского посольств к реке Ураевой. Перед ними следовали крымские гонцы и отпущенный из Крыма русский гонец К. Байберин⁵⁹. Прибыв 3 декабря 1624 г. в Валуйки он подтвердил, что отпущенные посольства Я.О. Дашкова и В. Волкова и новое крымское посольство Шагина-мурзы перешли Донец и приближаются к реке Ураевой. С ним прибыли крымские гонцы во главе с Муслы⁶⁰. Байберин сообщил, что прибытие Ибрагима-паши к Ураевой ожидается между 5 и 6 декабря⁶¹. До своего отбытия в Москву вместе с крымскими гонцами Байберин был «расспрошен» «разменными послами» и посланниками об обстоятельствах отпуска посольства Я.О. Дашкова и В. Волкова из Крыма и положении дел в ханстве⁶². Калга Шагин-Гирей пытался задержать отпуск посольства, но столкнулся с противодействием со стороны своего брата хана. 25 октября Шагин-Гирей, вызвав к себе переводчика С. Тонаева и служилых татар, угрожал не допустить отпуска посольства без принятия своих требований. Посланники обратились посредством служилых татар к «ближним царевым людям» и получили заверения в том, что отпуск посольства состоится. 26 октября 1624 г. последовала отпуская аудиенция посланников у хана Мухаммед-Гирея III. 27 октября посланники выступили из Яшлова и 1 ноября прибыли в Перекоп⁶³. В Перекопе русское посольство задержалось в ожидании прибытия крымского посольства Шагина-мурзы и крымских «встречников» во главе с Ибрагимом-пашой. Задержка была вызвана конфликтом между ханом и его братом калгой, не желавшим отправлять своего посла в Москву вместе с крымским посольством. 13 ноября посланники выступили из Перекопа⁶⁴. В пути до Донца происходили задержки связанные с длительным пребыванием «на станах» из-за препирательств с Ибрагимом-пашой относительно количества выплат ему «разменного» жалования. Глава клана Яшлавских столкнулся с жесткой позицией Я.О. Дашкова и В. Волкова, угрожавшей ему не только урезанием «разменного» жалования, но и в принципе устранением его клана от контроля над «ссылками» с

Москвой. В ответ Ибрагим-паша остановил посольский караван перед Донцом и угрожал задержать отпуск крымских гонцов в Валуйки и далее в Москву с уведомлением о подходе отпущаемого русского и нового крымского посольств. Однако понимая, что срыв по его вине размены будет иметь для его клана непредсказуемые последствия, Ибрагим-паша после перехода Донца отпустил крымских гонцов во главе с Муслы и К. Байберина. 5 декабря 1624 г. «разменные послы» с обеими посольствами выступили из Валук к реке Ураеве и 8 декабря были получены известия о подходе к ней русского и крымских посольств с «встречниками» Ибрагима-паши. К этому времени навесной мост через реку был наведен, государева казна доставлена из Валук и была размещена в русском лагере под усиленной охраной. Днем 8 декабря «разменными послами» к Ибрагим-паше были отправлены толмачи и служилые татары из состава посольства О.Я. Прончищева с предложением отпустить за Ураеву посланников Я.О. Дашкова и В. Волкова. Согласие Ибрагима-паши после некоторых препирательств было получено. Вечером 8 декабря они прибыли в русский лагерь и расспрошены «разменными послами» и посланниками об исполнении ими посольства. Было решено занять при переговорах с Ибрагимом-пашой жесткую позицию. 9 декабря за реку прибыл эмиссар Ибрагима-паши Апсамет с предложением «съехаться в прежнем съезде месте». Глава крымских «встречников» должен был перейти реку. Было ясно, что Ибрагим-паше не до предъявления формальных требований: он находился под угрозой лишения положения московского «амиата» в условиях неопределенной династической ситуации Гиреев. Вечером 9 декабря прошли предварительные переговоры «разменных послов» с Ибрагим-пашой на русской стороне реки. Глава клана Яшлавских предсказуемо объяснил задержку размены угрозой смещения хана Мухаммед-Гирея III с престола. Все утеснения посланников в Крыму он свалил на калгу Шагин-Гирея. 10 декабря состоялись уже «официальные» переговоры с Ибрагим-пашой с участием крымских «встречных мурз», а также русских посланников Я.О. Дашкова, В. Волкова, О.Я. Прончищева и Р. Болдарева и крымских послов во главе с Мустафой-мурзой. Они носили исключительно напряженный характер. Русская сторона в речи к Ибрагим-паше дьяка Ф. Степанова обвинила его в нарушении обяза-

тельств, принятых им на прошлогодней размене, фактическим дезавуированием принесенной шерти и поставила вопрос о его дальнейших «особых отношениях» с Москвой. Со ссылками на донесения посланников были оглашены все факты отказа Ибрагима-паши в содействиях им в критических ситуациях. На Ибрагима-пашу возлагалась ответственность за длительное ожидание размены на Валуйках. Затем заранее было оповещено о урезании «разменного» жалования ему и «разменным мурзам». Ибрагим-паша яростно оспаривал все обвинения, что сопровождалось его перебранкой с посланниками Я.О. Дашковым и В. Волковым. Одним из обвинений со стороны посланников к Ибрагиму-паше был отказ от содействия в приведении к шерти Шагин-Гирея. Наконец глава клана Яшлавских сделал неожиданный ход: в запале он предложил повторно привести себя к шерти⁶⁵. На это ему было дано согласие. При этом выяснилось что у «разменных послов» имеется уже готовая шертная запись, на которой он и был приведен к шерти⁶⁶. Особенностью документа явилось обязательство Ибрагима-паши принесения шерти калгой Шагин-Гиреем. Наконец, последовала раздача «разменного» жалования. Пира не было. Размена состоялась на следующий день и прошла без осложнений. Все четыре посольства поочередно перешли по мосту реку Ураеву. После этого Ибрагим-паша изъявил желание «проститься» с «разменными послами» на мосту. Он гарантировал безопасность посланникам О.Я. Прончищеву и В. Волкову, что, как оказалось, было весьма опрометчивым шагом. 11 декабря А.В. Измайлов и Ф. Степанов выступили с русским и крымским посольствами к Валуйкам⁶⁷. Оба посольства и разменные послы двинулись к Москве 12 декабря. По возвращении «разменные послы» окольниковый А.В. Измайлов и дьяк Ф. Степанов представили государю челобитие о награждении за службу, которое было удовлетворено. В нем указывались исключительные сложности размены: послы «были на Волуйках, на Ливнах, на Ельце и с Ельца опять на Волуйках» с 9 марта по 12 декабря 1625 года и понесли во время службы «убытки великие»⁶⁸.

Итак, ожидание «размены» продолжалось в Валуйках с апреля по декабрь 1624 года. Это был значительный, но не критичный срок, учитывая опыт предшествующих размен в период династических кризисов в Крыму. Тем не менее, именно при размене 1624 года обозначились

проблемы, связанные с пребыванием посольств с «разменными послами» в Валуйках в течение длительного срока, получившие развитие в последующие годы.

«Отложенная» посольская размена под Валуйками в сентябре 1625 года

Переговоры в Посольском приказе с крымскими послами во главе с Шагином-мурзой не привели к конструктивному результату. Крымская сторона требовала «свести» с Дона казаков, увеличить количество выплат в Крым и отказывалась от обязательств удерживать ногайских мурз Буджакской орды и Казыева улуса от нападений на московские «украины», что являлось обязательством крымской стороны по договору 1623 года. Однако правительство царя Михаила Федоровича твердо намерено было сохранять регулярные «ссылки» с Крымом. Приговор «двух великих государей о Крымском деле» в начале марта 1625 года констатировал обозначившийся кризис русско-крымских отношений: невозможность вновь привести к шерти хана Мухаммед-Гирея III на предлагаемых Москвой условиях, фактическое дезавуирование ханом договора, на тексте которого он шертовал 29 ноября 1623 года, и откровенно враждебную по отношению к Российскому государству позицию калги Шагин-Гирея. Тем не менее пребывание посланников, переводчиков и служилых татар в Крыму было признано необходимым и туда должно было быть направлено новое посольство⁶⁹. Целью следующего посольства являлось заключение русско-крымского «докончания». С оповещением о новой размене в Крым был отправлен гонец служилый татарин Куралей Кулушев. С ним отпускались крымские гонцы во главе с прибывшим в Москву еще в феврале 1624 года Магмутом с семнадцатью «товарищами». 22 марта 1625 г. в Посольском приказе был подготовлен «пакет документов» по отпуску крымцев и отправлению К. Кулушева. Воеводе Н.Ф. Панину предписывалось по прибытии гонцов немедленно отправить их из крепости в Крым⁷⁰. Таким образом, инициатива проведения очередной размены принадлежала русской стороне. Как показали последующие события, это решение было оправданным.

Посланники в Крым Дмитрий Федорович Скуратов и подьячий Никита Постников были назначены 25 марта 1625 г., а «разменными послами» – окольниковый князь Григорий

Константинович Волконский и дьяк Тимофей Агеев⁷¹. Размену предписано провести в мае⁷². Вместе с посольством Шагина-мурзы отпустились и все прибывшие позднее крымские гонцы во главе с Муслы⁷³. Гонцов во главе с Муслы предписывалось отпустить в Крым с пути по согласованию с князем Г.К. Волконским. Новшеством являлось указание следовать провожатым и за Донец, но только в том случае, если князь Г.К. Волконский договорится «со князем и мурзою», который будет на размене. Перед посольством Д.Ф. Скуратова и Н. Постникова ставились важные задачи, которые отражены в наказе⁷⁴. В случае сохранения престола за ханом Мухаммед-Гиреем III надлежало повторно привести его к шерти одновременно с калгой Шагин-Гиреем. При переговорах с «ближними царевыми людьми» предъявлялись претензии о совершении «неправд» при исполнении предшествующих посольств и ставился вопрос об урезании жалования знати. Клан Яшлавских-«Сулешевых» при дальнейшем уклонении от обязательств по обеспечению безопасности посольства лишился всех привилегий в «ссылках» с Москвой. При осуществлении посольства следовало иметь в виду угрозу Мухаммед-Гирея III от «турского». В случае возвращения на престол Джанибек-Гирея с ним следовало начать переговоры о приведении его к шерти. Примечательными были инструкции для осуществления размены: прежде всего, указание «расспросить» возвращающихся из Крыма посланников «про всякие тамошни дела» с учетом детального изложения «неправд», которым они подвергались в Крыму. Посланникам наряду с «разменными послами» предписывалась честь сказать речь Ибрагиму-паше с претензиями о невыполнении своих обязательств принятых при его принесении шерти на предыдущих разменах. По согласованию с «разменными послами» в случае необходимости следовало не отпускать провожатых у Донца. Посольство везло в Крым очередной «список шертной записи» на основании которого должна быть составлена шертная грамота и для хана Муаммед-Гирея III и для хана Джанибек-Гирея, в случае его водворения в Бахчисарае⁷⁵. В наказе данном «разменным послам» предписывалось усилить меры по оповещению о приближении крымских «встречников» посредством отправления к Донцу разъездов. В наказе обращало на себя внимание ужесточение требований к Ибрагиму-паше при проведении размены. Все его традицион-

ные «хитрости»: отказ ехать за реку, требования проведения переговоров на мосту следовало отклонить. Переговоры с Ибрагимом-пашой после размены воспрещались. Речь «разменных послов» перед ним при переговорах была составлена в двух вариантах: «жестком», в случае если хан и калга не принесут перед посланниками О.Я. Прончищевым и Р. Болдаревым шерти на новом тексте составленного в Москве договора, и в «мягком», если они ее принесут. При этом предыдущее принесение шерти ханом не признавалось. При переговорах князь Г.К. Волконский и Т. Агеев должны были обвинить крымскую сторону в «ссылках» с польским королем и запорожскими черкасами. Обвинения в нападениях донских казаков на турецкие владения и ногайские улусы отвергались и выдвигались контробвинения в ногайских нападениях на московские «украины». Наконец Ибрагиму-паше напоминалось, что он может утратить свои привилегии в «ссылках» с Москвой. Первым шагом к этому являлось урезание ему как «разменного» так и «основного» жалования⁷⁶. В целом наказ содержал более жесткие формулировки по отношению к Ибрагиму-паше. В Разрядном приказе распорядились «быти из городов ратным людем, которые в 132-м году с весны и в нынешнем во 133-м году в осень на Волуйке для посольской размены не были», по материалам делопроизводства Разрядного приказа – 1360 человек⁷⁷.

В 20-х числах апреля посольства с «разменными» послами выступили из Москвы⁷⁸. С служилым татаринном толмачем Григорием Сенюковым посланникам О.Я. Прончешеву и Р. Болдареву была послана указная грамота датированная 22 апреля с предписанием известить хана Мухаммед-Гирея III об отпуске крымского посольства и направлении нового русского посольства, а также о назначении «разменных послов»⁷⁹. 28 мая 1625 г. оба посольства прибыли в Валуйки⁸⁰. В течении июня известий о приближении крымских «встречников» не поступало. К июлю «разменным послам» пришлось столкнуться с проблемой уменьшения количества «провожатых»⁸¹. Проблема с провожатыми болезненно воспринималась «разменными послами» в условиях активизации крымской стороны в «ссылках» с Москвой. 28 июля 1625 г. в Валуйку прибыли крымские гонцы во главе с Мустафой Челеби вместе с русскими служилыми татарами Тулубаем Бавкеевым и Яньшем Кулушевым, и немедленно были отправлены в

Москву⁸². Князь Г.К. Волконский после «расспроса» русских служилых татар пришел к мнению, что крымская сторона может согласиться на размену. Но это было далеко не очевидно. Гонец Мустафа Челеби и русские служилые татары, выступившие из Бахчисарая 12 июля, были задержаны в Перекопе в ожидании гонца от калги. Он так и не был отправлен. Мало того Шагин-Гирей пытался воспрепятствовать отправлению гонцов во главе с Мустафой Челеби. Между ханом и калгой нарастала конфликтная ситуация⁸³. В этих условиях «разменные послы» в отписках указывали о том, что «как ис Крыму для посольской розмены будут на Волуйку Обреим-паша и с ними на Волуйке на розмене не будут люди многие»⁸⁴. В августе ситуация в Валуйках ухудшилась. Усугублялись проблемы с продовольствием и кормом для лошадей. Князь Г.К. Волконский и Т. Агеев докладывали, что «крымские послы Шагин-мурза с товарищи просят за лошадей денег». В середине августа было решено поставить постоянную заставу на Донце около «Святых гор» с целью немедленного оповещения о приближении «встречников». Между тем «разменные послы» получили грамоту от белгородского воеводы А.И. Лодыженского, который сообщил о произведенном им «расспросе» крымских полоняников привезенных «с Дону белгородскими гулящими людьми». По их сведениям конфликт между ханом и калгой Шагин-Гиреем угрожал вооруженным противостоянием. Ходили слухи о возможном бегстве калги из Крыма «за Терек» и дальше к персидскому шаху из-за угрозы его выдачи в Стамбул. Наконец 26 сентября прибыл вожа Федька Боруков с грамотой от посланников О.Я. Прончищева и Р. Болдарева. Он сообщил, что отпущенное русское посольство и новое крымское посольство Зол аталыка приближаются к Донцу. Посланники сообщили, что после выступления из Крыма у них идут перманентные конфликты с Ибрагимом-пашой и послом калги Шагин-Гирея, требующих обозначить количество выплат в Крым и «разменного жалования». Ибрагим-паша может «заупрямитца» и попытаться сорвать размену. Посланники рассчитывали при подходе к реке Ураевой направить в Валуйки служилых татар вместе с крымскими гонцами. Вожа доставил также послание калги Шагин-Гирея адресованное государю с ультимативным требованием увеличения выплат, которое должен огласить в Москве его посол. Грамота была переведена находящимся в

составе посольства Д.Ф. Скуртова и В. Постникова переводчиком. В тот же день 26 сентября вожа отпущен в Москву. О ситуации «разменные послы» в тот же день «отписали в Белгород Обросиму Лодыженскому»⁸⁵. Сразу по получении известий об отпуске посольства О.Я. Прончищева и Р. Болдарева из Крыма в Белгород 12 октября была отправлена указная грамота с предписанием отправить в случае необходимости в Валуйку дополнительные контингенты провожатых⁸⁶. Этого не потребовалось. Размена прошла без задержки, но с вопиющими нарушениями всего порядка установившегося за долгие годы и вплоть до последнего времени соблюдавшимся обеими сторонами.

Вечером 26 сентября в Валуйку прибыл крымский гонец Магмут с четырнадцатью крымскими гонцами в сопровождении служилого татарина К. Кулушева⁸⁷. Крымские гонцы были отправлены не доходя до Донца 23 сентября. Этому предшествовали длительные препирательства О.Я. Прончищева и Р. Болдарева с Ибрагимом-пашой, который не хотел уведомлять русских «разменных послов» о приближении к реке Ураевой⁸⁸. Отпуск посольства О.Я. Пончищева и Р. Болдарева вплоть до последнего момента находился под угрозой срыва из-за конфликта между ханом и калгой. По-существу посольство было провалено из-за нежелания хана Мухаммед-Гирея III переформатировать условия договора 1623 года и привести к шерти калгу Шагин-Гирея. Он вообще занимал в отношении Российского государства непримиримую позицию. Тем не менее хан считал целесообразным сохранять «ссылки» с Москвой и согласился на очередную размену, отправив в Москву гонцов во главе с Мустафой Челеби. 28 августа 1625 г. посланникам была дана отпуская аудиенция у хана. Их отпуск вызвал недовольство калги, который угрожал совершить нападение на Русское государство, о чем Ибрагим-паша и предупредил посланников 1 сентября⁸⁹. После выступления из Яшлова посланники несколько дней ждали его в Перекопе, куда он прибыл 9 сентября с крымским посольством Зол аталыка. По прибытии Ибрагим-паша пытался задержать выступление посольств, потребовав принятия посланниками обязательств по выплатам калге Шагин-Гирею. Конфликт завершился согласием посланников отправить с пути в Москву вожа Федьку Борукова с посланием калги, после чего посольства выступили из Пекрекопа. 24 сентября оба

посольства с «встречниками» перешли Донец⁹⁰. 25 сентября О.Я. Прончищев и Р. Болдарев на последнем стану перед подходом к реке Ураевой провели переговоры с Ибрагимом-пашой об организации размены, завершившиеся провалом. Ибрагим-паша категорически отказывался ехать на русскую сторону реки без предварительного согласия «разменных послов» на требования калги и оглашения «разменного» жалования⁹¹. 26 сентября «встречники» во главе с Ибрагимом-пашой и посольства пришли на Ураеву. «Разменных послов» с русскими и крымскими посольствами там не было, хотя через реку был наведен навесной мост. Прибывшие из Валук разъезды сообщили только, что «разменные послы» с посольствами скоро придут. 29 сентября вдали от реки был установлен укрепленный лагерь для русского и крымского посольств, и Ибрагиму-паше предложено было с толмачами прибыть к мосту для переговоров. «Разменные послы» оставались в лагере. Переговоры с толмачами свелись к изложению ими требований «разменных послов». От Ибрагима-паши потребовали согласия на проезд в русский лагерь отпускаемых посланников О.Я. Прончищева и Р. Болдарева. Изложенная ими информация о ситуации в Крыму сменившим их Д.Ф. Скуратову и Н. Постникову существенно облегчила исполнение посольства, что неоднократно упоминается в их отписках⁹². Вечером О.Я. Прончищев и Р. Болдырев отбыли обратно в крымский лагерь. В складывающейся ситуации князь Г.К. Волконский был вынужден действовать вопреки данному ему наказу. 30 сентября 1625 г. была произведена размена⁹³. Ибрагим-паша и крымские мурзы на русскую сторону для переговоров не переезжали, отпускаемые русские посланники О.Я. Прончищев и Р. Болдарев до размены оставались в крымском лагере и в переговорах не участвовали. Переход посольств был осуществлен после кратких переговоров на мосту Ибрагима-паши с князем Г.К. Волконским. «Разменное» жалование было отправлено с отпускаемым посольством, а не вручено как обычно после переговоров в «съезде шатре». Князь Г.К. Волконский и Ибрагим-паша решили съехаться на следующий день. Переговоры прошли 1 октября на мосту и носили жесткий характер, принимая благодаря крымскому «встречнику» характер дикой склоки. После препирательств относительно малого количества «разменного жалования» Ибрагим-паша «поворотил с моста», но тотчас

вернулся и разразился упреками, перемежаемыми площадной бранью. Он поведал, что мог бы вообще сорвать размену, но отказался от этого «памятуя любовь к государю». Волконский ответил, что сам Ибрагим-паша нарушил свои обязательства, а все его претензии отвергались. «Провожатые» отправлялись с русским посольством только до Донца. Единственным вопросом который был улажен без конфликтов явилось согласие Волконского на немедленное отправление с берегов Ураевой в Валуйки и далее в Москву крымских гонцов во главе с Мавлют Казы. 2 октября «разменные послы» с русскими и крымскими посольствами прибыли в Валуйку. В тот же день были отпущены крымские гонцы Мавлют Казы. 3 октября «разменные послы» выступили из Валук с русскими и крымскими посольствами и 17 октября 1625 г. прибыли в Москву⁹⁴. Пребывание посольств с «разменными послами» в Валуйках продолжалось с мая по начало октября 1625 года. Тем не менее, сам ход размены продемонстрировал серьезный кризис практики осуществления русско-крымских дипломатических «ссылок». Конфликтная ситуация в ходе размены неизбежно должна была отразиться на исполнении посольства в Крыму Д.Ф. Скуратова и Н. Постникова.

«Отмененная» посольская размена под Валуйками в октябре 1626 г.

Переговоры в Москве с крымскими послами во главе с Зол аталыком в очередной раз подтвердили фактический отказ Бахчисарая от, по крайней мере, добрососедских отношений с Москвой. Не заставили себя долго ждать и скверные известия из Крыма. 16 января 1626 г. на Волуйку прибыл толмач Федор Мясоедов⁹⁵. 17 января 1626 г. туда прибыл Ханский гонец Аллаш Богатыр с семнадцатью «товарыщами»⁹⁶. Ф. Мясоедов явно стремившийся опередить крымцев уже 28 января прибыл в Москву⁹⁷. «Распрос» Ф. Мясоедова и доставленные им отписки посланников показали, что ситуация в русско-крымских отношениях приближается к критической⁹⁸. Тяжелый конфликт посланников Д.Ф. Скуратова и Н. Постникова с Ибрагимом-пашой обозначился на пути в Крым. Уже 9 октября через день после перехода Донца на стан посольства прибыли сыновья Ибрагима-паши Магмедша и Курамша «Сулешевы» с требованием изъятия жалования всем «ближним царевым людям», в чем им было жестко

отказано. От дальнейших контактов с посланниками Ибрагим-паша устранился и по прибытии обеих посольств 14 октября в Перекоп отбыл в Бахчисарай. 22 октября 1625 г. посольство подошло к Яшлову. В само предместье их не пустили ханские капучеи. На стан к посланником прибыл Ибрагим-паша, который объявил им об отказе от аудиенции и потребовал изъятия всей «государевой посылки»⁹⁹. Это наряду с отказом от размещения посланников в Яшлове являлось не имеющим аналогов нарушением порядка русско-крымских «ссылок». Д.Ф. Скуратов и Н. Постников отказались отдавать казну и в течение почти трех месяцев подвергались непрерывным попыткам ее принудительного изъятия вплоть до угрозы физической расправы. Особенно активное участие в этом принимали приближенные калги. Попытки обращения посланников к «ближним царевым людям» не имели успеха. 2 ноября Ибрагим-паша сообщил об окончательном отказе аудиенции у хана без предварительного изъятия всех поминок, жалования и запросов. Однако 12 декабря он сообщает, что аудиенции не будет ввиду отбытия хана и калги в поход на «литовского короля». Хан Мухаммед-Гирей III и нурадин Азамат-Гирей действительно выступили в поход на Речь Посполитую и вернулись только в апреле 1626 года. Внешнеполитическое положение Крымского ханства уже давно определялось нарастающим конфликтом с Польско-Литовским государством. Порта с лета 1625 года требовала от хана организации похода. Контакты калги с Запорожской Сечью в свою очередь привели Крымское ханство к конфликту с Речью Посполитой. Осенью 1625 года после провала т. н. Куруковско-го соглашения запорожцы запросили у Крыма помощи в войне. Хан готов был выступить в поход, но опасался брать с собой калгу. Неясной была ситуация с Кантемиром-мурзой. В этих условиях хан Мухаммед-Гирей III отбывая в поход отказался от явного насилия в отношении русского посольства, что не означало продолжения его утеснений. В Крыму оставался агрессивно настроенный Шагин-Гирей. 16 декабря Ибрагим-паша «со многими людьми» пытается силой изъять «государеву посылку». 17 декабря он изымает у посольства лошадей под предлогом нападения донских казаков на крымские улусы и увода «астраханскими татарами» табунов. В Москву отправляется ханский гонец с протестом. Посланники требуют согласно установленному порядку отпущен с крымскими

гонцами «толмача или служивого татарина», Ибрагим-паша соглашается. По выбору посланников с крымскими гонцами отпускается толмач Федор Мясоедов¹⁰⁰.

Ознакомившись с ситуацией в Крыму, Посольский приказ был уже достаточно подготовлен к приему крымских гонцов во главе с Аллаш Богатыром. 4 марта крымские гонцы вместе с послами во главе с Зол аталыком были приняты в Посольском приказе, а 9 марта – государем. Переговоры с крымскими дипломатами ознаменовались предъявлением претензий о нападениях донских казаков и «астроханских воров» на крымские улусы. Это же являлось основным содержанием посланий хана государю. Предъявлялись претензии и относительно отказа оглашения «разменными послами» и посланниками количества «государевой посылки». Содержалось требование увеличения количества запросных денег калге. Ибрагим-паша в своем послании сетовал на уменьшение количества «разменного» жалования¹⁰¹. Также там упоминалось, что он отдал в руки посланникам Я.О. Дашкову и В. Волкову шертную грамоту с золотой печатью, что в принципе указывало на сохранение в силе русско-крымского «докончания», заключенного в ноябре 1623 года. О принесении шерти ханом в ноябре 1623 года напоминал и посол Зол аталык на аудиенции у государя. Ситуацию было решено разрешить посредством форсирования очередной посольской размены. Крымская сторона ставилась перед необходимостью «переформатировать» свои «ссылки» с Москвой. Переговоры при размене должны были в очередной раз прояснить ситуацию в отношении клана Яшлавских. Наконец постоянное нахождение русских дипломатических представителей в Крыму обеспечивало преемственность русско-крымских «ссылок» в случае смены хана на бахчисарайском престоле. 14 марта 1626 года было принято решение об отправлении нового посольства. «Марта в 14 день государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси указал послать в Крым в посланниках Степана Иванова сына Тарбеева да подьячего Ивана Басова. И крымских послов Зола талыка отпустить в Крым с ними вместе. А розменити их указал государь на прежнем месте у Волуйки на реке на Ураеве окольничему князю Данилу Ивановичю Долгорукому да дьяку Ивану Михайлову прежнего посланника Дмитрия Скуратова да подьячего Микиту Посникова и крымских новых послов принять. А розмене посол-

ской указал государь быть в апреле»¹⁰². Наказ «разменным послам» содержал четкие указания возратить проведение размены к прежнему порядку. Переговоры с Ибрагимом-пашой следовало проводить только «на русской стороне» Ураевой, «в прежнем месте». Он должен был в очередной раз принести шерть с гарантиями безопасности новому русскому посольству в Крыму, причем под угрозой отказа от размены. Все «хитрости» Ибрагима-паши с отказом ехать в русский лагерь за реку Ураеву и уточнение количества «разменного жалования» и вообще всей «государевой казны» отправляемой в Крым должны быть жестко пресечены. В подготовленной речи к Ибрагиму-паше ему в очередной раз выдвигались жесткие претензии. «Политическая» часть переговоров с Ибрагимом-пашой (в случае если они будут иметь место) содержала претензии к Шагин-Гирею ввиду отказа принесения им шерти. От Ибрагима-паши следовало потребовать объяснений относительно «ссылки калги Шагир-Гирея царевича с запорожскими черкасами» с перспективой их привлечения к нападению «на государевы украины». Было указано, что Москва в курсе попыток переговоров хана и калги с Речью Посполитой. Учитывая возможное вовлечение Крыма в конфликт Запорожской Сечи с властями Речи Посполитой указывалось, что Москва будет сохранять мир с Польско-Литовским государством «до урочных лет» не смотря на «все неправды польского короля». Все эти требования к Ибрагиму-паше в ходе размены имели ряд существенных изъянов. Неясно было состоится ли размена вообще или в лучшем случае посольствам придется «стояти на Валуях долгое время». На этот счет «разменным послам» давались четкие инструкции. Из Серпухова, либо из Тулы крымским послам предписывалось отправить в Крым гонцов, в сопровождении русских толмачей из числа сопровождавших посольство С.И. Тарбеева и И. Басова служилых татар. Это же следовало сделать по прибытии в Валуики. Количество «проводящих» было увеличено причем в наказе впервые это было детально зафиксировано исходя из движения посольств через Серпухов, Тулу, Новосиль и Ливны, где контингенты проводящих должны были к ним присоединяться. Общее количество собранных в Валуях проводящих по материалам наказа «разменным послам» составляло около 1300 человек.

Выступление «разменных послов» с посольствами к Валуикам затягивалось. В Крым для

извещения крымской стороны были отправлены опытные служилые татары Богдан Исенчюрин и Левка Агилдеев в сопровождении отпускаемых крымских гонцов во главе с Мустафой Челеби¹⁰³. Посольства выступили из Москвы 2 мая 1626 г. и через два дня пришли в Серпухов¹⁰⁴. Далее они проследовали в Тулу, откуда согласно наказу крымские послы отпустили гонца Аллаш Богатыря с тридцатью тремя послами и гонцами¹⁰⁵. Выбор отпускаемых послов и гонцов по традиции был возложен на ханского посла Зол аталыка и ознаменовался его конфликтом с послом калги Сеферем-мурзой¹⁰⁶. Вражда между крымскими послами отражала обостряющийся конфликт между ханом и калгой. 28 июня посольства с «разменными послами» пришли в Валуики¹⁰⁷.

В преддверии посольской размены воеводу Н.Ф. Панина сменил Никита Васильевич Оладьин¹⁰⁸. Уже 28 апреля им была получена указная грамота об обеспечении быстрого следования в Крым служилых татар Б. Исенчюрин и Л. Агилдеева и отпускаемых крымских гонцов.

Пребывание «разменных послов» с обеими посольствами в Валуиках продолжалось с июня по октябрь 1626 года. Все это время принимались меры по оповещению о возможном подходе крымских «встречников». Уже в день приезда 28 июня князь Д.И. Долгоруков оправил к Донцу «для вестей» служивого татарина Ишмамета Собакина¹⁰⁹. Вестей о появлении «встречников» не было. Отпуск посольства Скуратова в мае и июне 1626 г. был невозможен в принципе. Вскоре после отпуска в Москву толмача Ф. Мяседова посольство Скуратова и Постникова 21 декабря 1625 г. под присмотром «царевых дьяков» с «государевой посылкою» было заключено «в жидовском городе» (Чуфут-Кале) под охраной караимов и к моменту прибытия Б. Исенчюрин и Л. Агилдеева в Яшлов продолжалось. Формальным поводом для заключения посольства было нахождение хана в походе. В реальности крымская сторона выдвигала требования компенсации за угон лошадей «астроханскими людьми». Но и это было предложением. Калга Шагин-Гирей требовал от брата отказ от заключенного договора в плане внесения в текст шертной грамоты точного количества выплат в Крым, и обязательства свести с Дона казаков. Иначе Шагин-Гирей требовал у хана вообще отказа от исправления русскими дипломатами посольства, принудительного изъятия всей «посылки» и выдворения из Крыма без разме-

ны. Приезд русских служилых татар дал повод Скуратову и Постникову активизировать перед «ближними царевыми людьми» свое освобождение. 14 мая посланники в Чуфут-Кале получили от Ибрагим-паши сведения, что гонцы Б. Исенчюрин и Л. Агилдеев прибыли в Яшлов. 15 мая к ним был послан вожа за списком государевых грамот к хану, калге и знати и указных грамот посланникам. Скуратов и Постников с помощью толмачей из числа служилых татар приданных посольству взялись за исполнение полученных указаний. 25 мая посланники были выведены из Чуфут-Кале и размещены в Яшлове с «государевой посылкой»¹¹⁰. Им вернули отобранных лошадей и 9 июня состоялась аудиенция у хана, прошедшая с вручением поминок и запросов и взаимными уверениям в сохранении «дружбы и любви»¹¹¹. В дальнейшем Ибрагим-паша и «ближние царевы люди» через толмачей представили посланникам перечень претензий крымской стороны политического и «материального характера». Аудиенция посланников у калги Шагин-Гирея 13 июня 1626 г. вылилась в очередную склоку, учиненную им относительно малого количества выплат, причем вся «государева посылка», адресованная ему, была отобрана после аудиенции. 14 июня капучей калги отнимают подводы на посланников и угрожают уморить их голодом¹¹². Посланники остаются у калги на положении пленников не имея возможности вернуться в Яшлов. Только через месяц он предоставил посланникам лошадей и они вернулись в Яшлов. Туда прибыл Ибрагим-паша, сообщивший что Шагин-Гирей требует у брата задержать их в Крыму на неопределенный срок. Впрочем ситуация была еще серьезней. В начале июля калга потребовал у брата разрешить ему организовать крупномасштабный поход на Российское государство. Хан с огромным трудом усмирил брата¹¹³. Ситуация усугубилась конфликтом посланников с нурадином Азамат-Гиреем, также из-за количества предназначавшихся ему выплат. В этих условиях посланники через толмачей пытались довести до «ближних царевых людей» и до хана просьбу о своем отпуске.

И в Москве, и в Валуйках по многим признакам понимали серьезность ситуации. Пока были приняты традиционные меры: в середине июля непосредственно из Валук в Крым был послан служилый татарин Магмет Чабанин. В грамоте посланникам князь Д.И. Долгоруков и И. Михайлов извещали, что они «стоят на Волуй-

ке долгое время» и ожидают крымских «встречников», призывают «идти из Крыма не мешкая», заранее оповестить о своем выступлении и с Донца прислать весть о подходе к реке Ураевой. К моменту прибытия в Яшлов М. Чабанина 30 июля ситуация в Валуйке осложнилась¹¹⁴. Дьяк И. Михайлов и посланники С.И. Тарбеев и И. Басов извещают Посольский приказ о смерти князя Д.И. Долгорукова 1 августа 1626 года¹¹⁵. Это был первый (но не последний) «разменный посол» в чине окольного, скончавшийся в Валуйках. В Москве данное известие было получено 9 августа 1626 г. Новым «разменным послом» был временно назначен белгородский воевода Амбросим Иванович Лодыженский¹¹⁶. Это назначение ознаменовалось местническим спором с С.И. Тарбеевым, который его проиграл и получил грамоту о подчинении А.И. Лодыженскому¹¹⁷. Вскоре посланники С.И. Тарбеев и И. Басов доложили о прибытии А.И. Лодыженского в Валуйки и о принятии им обязанностей «разменного посла» вместе с дьяком И. Михайловым¹¹⁸. В начале октября он предпринял последнюю попытку активизировать реакцию крымской стороны, направив в Крым прибывшего из Москвы с грамотами толмача Петра Чаплыгина. В грамоте хану говорилось о том, что «разменные послы» с посольствами «стоят на Волуйке долгое время», призывалось отправить «не мешкая на размену своего ближнего человека» и красочно описывалось, что посольство Зол аталыка несет «рухлядь убитки великие». Напоминалось, что хан «на коране шерть учинил» и обязался «на своей правде стояти крепко и неподвижно»¹¹⁹. Этим русская сторона признавала заключение «докончания» без всяких изменений.

Между тем посланники безуспешно пытались добиться своего отпуска из Крыма. Приезд М. Чабанина в Яшлов в очередной раз побудил Скуратова и Постникова активизировать просьбы к «ближним царевым людям». Толмачи привезли от них очередной обнадеживающий ответ о том, что «царь (хан – А.В.) де нас холопов твоих и своих послов отпустит вскоре». Это было очередным блефом. Между ханом и калгой происходило затяжное противостояние, связанное с обладанием реальной власти в Крымском юрте. Прибытие П. Чаплыгина не изменило ситуацию. Ибрагим-паша сообщил, что гонец будет принят без участия посланников. Хотя 15 октября посланный посланниками в Бахчисарай и принятый Мухаммед-Гиреем III П. Чаплыгин

сообщил им о решении хана отпустить русское посольство, но не сообщил о снаряжении нового крымского посольства¹²⁰. Наконец, 17 ноября 1626 года прибывший в Яшлов Ибрагим-паша сообщил, что вопрос о размене оставлен¹²¹. Требование посланников отпустить в Москву служилых татар с уведомлением о срыве размены было отклонено Ибрагимом-пашой. Но к этому времени в Москве уже поняли, что размена не состоится.

В октябре 1626 г. «разменным послам» было предписано «со всеми ратными людьми» отойти из Валук в Елец «для того что на Волуйку ис Крыма для посольские розмены крымские мурзы не бывали»; служилые люди были распущены по домам. А.И. Лодыженскому предписывалось идти к Москве, а обеим посольствам и дьяку И. Михайлову оставаться в Ельце «до указу»¹²². 24 октября «разменные послы» с обеими посольствами выступили из Валук через Оскол на Елец, но вскоре столкнулись с попыткой бегства в Крым посла калги Сеферя-мурзы. Побег был предотвращен приставами благодаря доносу посла Ибрагима-паши. «Разменные послы» имели объяснение с послом Зол аталыком, пригрозив ему жесточением выдачи «корма». 5 ноября посольства с «разменными послами» пришли в Елец и в тот же день с посланниками Д.Ф. Скуратовым и Н. Постниковым имели совет при участии елецкого воеводы стольника князя Дмитрия Федоровича Елецкого. Государева казна возвращалась в Москву под охраной отпускаемых провожатых. Охрана крымского посольства возлагалась на елецкого воеводу. Посольство Скуратова и Постникова оставалось в Ельце. В его составе произошли изменения. Из Москвы был прислан опытный переводчик Семен Андреев¹²³. Исполнение указов государя сопровождалось конфликтами «разменных послов» с отпускаемыми крымскими послами. По прибытии в Елец приставы передали А.И. Лодыженскому и И. Михайлову «челобитие» от ханского посла Зол аталыка об отправлении всех крымских послов и гонцов в Москву¹²⁴. Оно было отклонено – крымское посольство должно находиться в Ельце до прибытия нового первого «разменного посла». После этого А.И. Лодыженский отбыл в Москву.

Итак правительство царя Михаила Федоровича осенью 1626 года отказалось от осуществления размены по своей инициативе. Это был первый провал русской дипломатии при осуществлении посольских размен с 1578 года,

когда была сорвана размена под Путивлем. Однако комплекс мероприятий проведенных в октябре-ноябре 1626 года показывал, что сами планы осуществления размены оставлены не были.

«Отложенная» посольская размена под Валуйками в октябре 1627 года

Срыв размены не повлиял на решимость русского правительства сохранить связи с Крымом. «Разменными послами» в октябре 1626 года были назначены окольник Лев Иванович Долматов-Карпов и дьяк И. Михайлов «по прежнему»¹²⁵.

Ситуация оставалась неясной. Правда, 1 декабря 1626 года белгородский воевода князь Михаил Петрович Козловский прислал в Москву двух языков, татар, взятых на Муравском шляхе у реки Орчика. Они сообщили следующую информацию: «а про государевых послов сказали, что ныне живут в Крыму, а размены де по то место не было, потому что у них (хана и калги – А.В.) с турским царем о мирном постановлении не утверждено, а чают де розмены к весне, и с государем де крымский царь по прежнему хочет быть в мирном постановлении». Указали языки и причину «мирного постановления»: «к государю царь к весне хочет послати послов, чтоб государь послал своих людей с ними в Литву воевать, потому что у них от литовских людей многая шкода». Языки также сообщили, о том, что «прежнего царя Джанибек-Гирея в Царьгороде не стало»¹²⁶. В январе 1627 года новый «разменный посол» выступил из Москвы на Елец¹²⁷. При отправлении Л.И. Карпову был дан наказ обстоятельно излагавшей позицию русской стороны относительно задержки и срыва всех размен начиная с декабря 1625 г.¹²⁸ Претензии за задержку размен возлагались на крымскую сторону. Подчеркивалось, что отпуск крымского посольства Мустафы-мурзы и отправление посольства О. Прончищева и Р. Болдарева произошли после того, как в Крым был послан служивый татарин с предложением провести размену до 30 марта. В итоге «пришли к Волуйке в срок и стояли на Волуйке весну и лето и осень» – с апреля по декабрь 1625 года. Впрочем, в данном случае ответственность за затягивание размены с крымской стороны снималась; констатировалось, что «размена замешкалась» из-за похода хана против «прежнего Джанибек-Гирея царя», о чем Мухаммед-Гирей III «писал в своей грамоте государю

нашему». К пребыванию в Крыму посольства Я. Дашкова претензий не предъявлялось. Зато они выдвигались относительно пребывания посольства О. Прончищева и Р. Болдарева.

Известие об этих «неправдах» побудило русскую сторону быть инициатором новой размены 15 апреля. «Разменные послы» с посольствами прибыли к Валуйке с опозданием в мае. Размена «по договору» с крымскими послами в срок не состоялась и была «учинена под самую осень».

Наиболее щекотливой была ситуация с отпуском посольства Зол аталыка и отправлением посольства Скуратова без согласования с крымской стороной. В наказе утверждалось, что размена была согласована «по договору» с крымскими послами во главе с Зол аталыком и «по тому договору» срок размены был установлен маем. Итак, в Посольском приказе отсутствие четкого согласия крымской стороны на размену заменялась «договором» с уже находящимися «на Москве» крымскими послами по инициативе русской стороны.

Шаткость претензий к Крыму относительно срыва последней размены в Посольском приказе прекрасно понимали и в наказе было предписано договориться о том, чтобы в дальнейшем размены проводились в апреле или в мае.

19 февраля 1627 года в Валуйку прибыли отправленные посланниками Д.Ф. Скуратовым и Н. Постниковым служилые татары Левка Агилдеев М. Кучумов и крымские гонцы во главе с Добр Алеем¹²⁹. «И февраля в 26 день писал к государю с Волуйки Микита Оладьин, что пришли крымские гонцы ис Крыму на Волуйку. А послов крымских мурз для посольские розмены чаёт на Волуйку вскоре. И государь указал околничему Лву Карпову да диаку Ивану Михайлову з государевою казною и с посланники государевыми и с крымскими послы и с посланники идти на Волуйку тот час»¹³⁰. Доставленные ими донесения посланников охватывали весь период их пребывания в Крыму. По ознакомлении с ними в Посольском приказе были скорректированы инструкции «разменным послам» еще находившимся в Ельце. Указная грамота им представляла собой фактически новый наказ. Предписывалось немедленно двигаться из Ельца через Оскол к Валуйкам с обеими посольствами. Крымские послы и гонцы в Валуйке должны были сидеть «взаперти в остроге», чтобы исключить любые попытки бегства. Выдвигаться к Ураевой следовало только после того как было достоверно известно, что крымские

«встречники» с посольствами уже расположились на ее берегах. Позицию при переговорах с Ибрагимом-пашой ужесточалась. Предъявлялись претензии о многочисленных «неправдах» учиненных в Крыму над посольством Скуратова и Постникова. Констатировалась исключительная враждебность калги, который «хотел идти на наши украинные города». В очередной раз отвергалась ответственность Москвы за действия донских казаков. Сама размена предполагалась не раньше мая. К этому времени в Валуйку должна была быть доставлена новая казна. Уменьшение в составе новой казны «разменного» жалования обосновывалось невыполнением Ибрагимом-пашой своих обязательств по обеспечению безопасности русских посольств в Крыму и срывом предыдущей посольской размены. Напоминалось о двоекратном отходе «разменных послов» с посольствами из Валуйки на Елец из-за невозможности стоять там «долгое время».

7 апреля 1627 г. «разменные послы» с посольствами пришли в Валуйку. Они донесли в Москву что известий о «встречниках не бывало» и в ответ получили очередную грамоту, чтобы при переговорах на Ураевой напомнить Ибрагиму-паше о том, что ханский гонец Добр-Алей уверял, что размена будет в марте. Карпов и Михайлов констатировали недостаток в Валуйках воинских людей для обеспечения размены и отсылки разъездов к Донцу. В ответ в той же грамоте их заверили, что воинские люди придут с казною¹³¹. На самом деле в Посольском приказе прекрасно знали, что никакой размены в мае не будет.

Служилые татары, отправленные русскими посланниками, прибыли в Москву в конце февраля, следовавшие вместе с ними из Крыма гонцы во главе с Добр Алеем прибыли в Москву только в середине марта¹³². Ввиду «неправд», учиненных над русскими посланниками, прием крымских гонцов в Посольском приказе и их аудиенция у государя затягивались. Формальным поводом для этого являлось ожидание прибытия нового крымского посольства. Наконец 14 мая 1627 года состоялся прием гонцов в Посольском приказе. Переговоры свелись к обмену претензиями сторон фактически по всему спектру двусторонних отношений. Претензии о затягивании размены крымская сторона отвергла, сославшись на недостаток времени для подготовки и нерешенность проблем при переговорах с посольством Скуратова. Впрочем,

изъявлялась готовность к размене, а ее затягивание возлагалось на русскую сторону¹³³.

29 мая было указано «послати ... государеву казну другую посольскую с Володимиром Ляпуновым да с подьячим с Иваном с Селетцыным»¹³⁴. Казну было предписано доставить в крепость Оскол и дожидаться известий от «разменных послов» о приближении крымских «встречников». 26 июня В.П. Ляпунов и И. Селетцин благополучно доставили ее в Оскол¹³⁵.

«Разменные послы» с посольствами с апреля стояли в Валуйках безуспешно ожидая известий из Крыма. В июне Л. Карпов направил туда толмача Никона Наумова с очередным напоминанием, что «послы стоят на Волуйке»¹³⁶. В июле в Валуйках от захваченных татар стало известно, о том, что хан отправился в поход на «горных черкас», о чем немедленно проинформировали Москву¹³⁷. Более подробные известия поступили от белгородского воеводы князя М.П. Козловского, приславшего захваченных за Донцом языков. 31 июля после применения пыток пленные крымцы свидетельствовали о новом витке внутривосточной нестабильности в Крымском ханстве¹³⁸. Хан отправился «весной в поход на горных черкас». «Шагин-Гирей царевич в том походе не был». «Крымский царь пришед из черкас государевых послов хотел отпустить», но тут произошло столкновение с «Кантемиром-мурзою с братьями». Задержку размены языки однозначно связывали с конфликтом хана и калги с Кантемиром-мурзой. Один из них рассказал, что после того как «Кантемир-мурза с братьями и со своими татары от крымского царя отложился и шел к турецкому к Белгуду что на Дунае и за тем де ныне у крымского царя государевым послам отпуску и розмены вскоре не будет». Другой татарин также поведал, что «государевых де послов из Крыму по ся места не отпустит, потому что у крымского царя с Кантемиром-мурзою рознь». Языки также поведали, что «Магмет-Гирей царь и калга Шагин-Гирей царевич от турецкого побаиваются и черные люди в Крыме их не любят». В начале августа подготовка к размене активизировалась. В Крым из Москвы был направлен служилый татарин Тулубай Бавкеев. В отправленных грамотах «разменным послам» предписывалось оказать содействие в его следовании из Валук до Донца. Также им предписывалось убедить посла Зол аталыка выделить для сопровождения Бавкеева несколько младших послов. Л. Далма-

тову-Карпову и Михайлову давались указания отписать посланникам в Крым о необходимости добиться отпуска. Упор делался на «невзгоды» пребывавшего «долгое время на Волуйках» крымского посольства Зол аталыка. 8 августа Бавкеев прибыл в Валуйки и 10 выступил в Крым вместе с тремя отобранными Зол аталыком послами, в том числе с послом ханского «казначая» влиятельного Мусафера-аги. Он вез ярлык Зол аталыка хану с описанием того, как послы «стояти на Волуйке долгое время»¹³⁹. К этому времени там уже ощущался недостаток припасов и корма для лошадей, о чем посланники информировали Москву¹⁴⁰.

Между тем посланники Скуратов и Постников находились в Яшлове в положении фактической изоляции в условиях очередного витка внутривосточного кризиса в апреле-мае 1627 г. связанного с конфликтом хана и калги с Кантемиром-мурзой. К тому же скончался престарелый Ибрагим-паша «князь Сулешев». Его преемником стал его брат Мустафа. После прибытия Никона Наумова Скуратов и Постников активизировали свои контакты с «ближними царевыми людьми». 24 июня Н. Наумов был послан к Алгазы-аге, Мусафер-аге и конюшему Зейфукару и «князю» Мустафе, «который ныне на Ибрагим-паше месте». Наумов вернулся с извещением о скором отпуске. 29 июня явившийся к посланникам Мустафа «князь Сулешев» объявил о своем назначении главой крымских «встречников». Послом хана назначался Сулейман-ага¹⁴¹. 31 июля «князь» Мустафа объявил посланником о своем отбытии в Перекоп с ханом, откуда он отправится вместе с ними на размену. 10 августа капучей объявили посланникам о следовании в Перекоп, куда они прибыли 14 августа.

Хан и калга пребывали в Перекопе под предлогом выступления на Речь Посполитую согласно очередному фирману султана. На самом деле братья опасались вторжения в Крым Кантемира-мурзы. В конце августа Мухаммед-Гирей III и его «ближние люди» решили, что дальше затягивать размену не имеет смысла. 26 августа прибыл в Перекоп Тулубай Бавкеев. В тот же день он был направлен к Алгазе-аге, Мусафкру-аге и к Мустафе «князю Сулешеву», но не получил определенного ответа. Однако уже 29 августа Т. Бавкеев вновь направленный к Мустафе вернулся с извещением о скором отпуске. 9 сентября состоялась отпускная аудиенция посланников у хана. На ней Мухаммед-Гирей III вновь потре-

бывал «свести с Дона казаков», связав это со своими возможными действиями против приднепровского казачества. Хан позиционировал себя как сторонник войны против Речи Посполитой, закамуфлировано призывая к совместному походу против нее. Это была дипломатическая игра. 13 сентября последовала отпускная аудиенция посланников у калги ознаменовавшаяся очередным конфликтом. Шагин-Гирей в очередной раз отказался приносить шерть и заявил, что не отправит своего посла в Москву¹⁴².

Размена стала реальностью. 23 сентября 1627 г. Т. Бавкеев прибыл в Валуйку вместе с крымскими гонцами. Посольство Скуратова и Постникова было отпущено и выступило из Перекопа 14 сентября вместе с новым посольством Сулеймана-аги и «встречниками» во главе с Мустафой «князем Сулешевым». Их прибытие к Ураевой ожидалось 28 сентября. Крымские гонцы были немедленно отправлены в Москву. В.П. Ляпунов был извещен о прибытии «встречников» и он должен был выдвигаться с «казной» Оскола к Валуйкам.

26 сентября «разменные послы» с посольствами пришли на Ураеву. «Казна другая» пока не была доставлена. Навесной мост был сооружен. Крымское посольство разместили вдали от реки под надежной охраной. Были поставлены «съезжие шатры». 28 сентября крымские «встречники» пришли на Ураеву и расположились лагерем. Начались интенсивные контакты через толмачей с Мустафой Яшлавским. «Князь» вопреки всем традициям отказался отпускать за реку посланников Скуратова и Постникова для ознакомления «встречных послов» и новых посланников с обстоятельствами их отпуска и подготовкой крымской стороной к размене. Протесты были оставлены им без внимания. За реку Мустафа ехать для переговоров согласился, но только после того как к Ураеве будет доставлена казна. Однако вскоре ему пришлось изменить свое решение из-за появления около крымского лагеря отряда донских казаков. 29 сентября главный крымский «встречник» провел по этому поводу на «русской стороне» реки у моста переговоры с «разменными послами». «Князь» требовал двинуть на «воров» отряд из числа «провожатых» с тем, чтобы устранить угрозу крымскому лагерю. 30 сентября конфликт был разрешен и казаки проследовали мимо лагерей обеих посольств в Валуйки. Переговоры Мустафы за рекой обозначили конфликт сторон, но завершились его согласием вести их «на рус-

ской стороне» реки. 30 сентября к Ураевой была доставлена казна и поставлена вдали от реки под охраной.

1 октября в «съезжем шатре» весь день шли переговоры с Мустафой и с сопровождавшими его наиболее влиятельными крымскими «встречниками». Они носили напряженный характер даже по меркам предыдущих тяжелых размен и были прерваны во второй половине дня ввиду непримиримой позиции сторон, и «князь Сулешев» отбыл за реку в свой стан. Однако вечером переговоры возобновились по инициативе крымской стороны в спешно установленном шатре около моста. Они начались с обвинений крымской стороны в потворстве нападений донских казаков на крымские улусы. Затем последовал конфликт из-за затягивания сроков размены. Предложение «разменных послов» относительно согласования сроков размены, закрепленные письменным соглашением, новым главой клана Яшлавских были отвергнуты. Приносить шерть на новом соглашении с обязательствами Яшлавских-«Сулешевых» по обеспечению проведения размен и следования русских посольств в Крым Мустафа отказался. Конфликт возник и при подготовке самой размены. «Князь» отказался отпускать в русский лагерь Скуратова и Постникова, потребовав предоставления ему реестра по всем выплатам, а также дополнительных выплат «разменного жалования». В ответ русская сторона обвинила нового главу клана Яшлавских в нарушении обязательств и напомнила о всех «неправдах» русских посольств в Крыму. В дополнительных выплатах «разменного» жалования было отказано. Взаимные обвинения во враждебных действиях завершились отъездом Мустафы в свой лагерь. Когда вечером переговоры возобновились, «князь» Мустафа согласился разменять «старых послов», а размену новых посольств обусловить выполнением крымских требований. «Разменные послы» заявили, что выдача «разменного» жалования крымским мурзам состоится в установленном ранее порядке после переговоров «встречников» в «съезжих шатрах» с участием «новых» и отпускаемых «старых» русских и крымских послов и посланников. Мустафа отпустить Скуратова и Новикова отказался. Размена оказалась на грани срыва. Два дня и в русском и в крымском лагере по обе стороны Ураевой шли напряженные консультации. Ситуация усугубилась прибытием в крымский лагерь «ближнего человека» калги Шабан-аги

с посланиями адресованными государю. Днем 3 октября Мустафа уведомил о своем прибытии за реку для переговоров в сопровождении наиболее влиятельных крымских «встречников». На них было решено, что старые и новые послы и посланники в «официальных» переговорах участвовать не будут. С крымской стороны только «встречники», с русской – «разменные послы» с толмачами. Шабану-аге в участии в переговорах с русскими «разменными послами» было отказано под предлогом, что он изначально не значился в перечне «разменных мурз». Мустафа с этим согласился. Его решение поддержал Ильяс-улан, представлявший интересы своего брата великого везира Алказы-аги враждебно относящемуся к калге. Ильяс-улан и племянник Мустафы Устемир-улан настояли на соблюдении основного порядка размены – официальной церемонии на «русской стороне» реки перед переходом посольств. При этом опускаемые посланники так и не попали перед разменой в русский лагерь.

4 октября в прошли «официальные» переговоры с Мустафой «князем Сулешевым», завершившиеся выдачей «разменного жалования». Открытых конфликтов удалось избежать, все требования «дипломатического протокола» были соблюдены.

Вечером 4 октября состоялась размена¹⁴³. Доставленная В.П. Ляпуновым «казна другая» была передана Скуратову и Постникову. Они сообщили важные сведения о событиях в Крыму, оглашение которых в период переговоров стремился не допустить Мустафа. Во время похода на «бесенеевских черкас» двоюродный брат Кантемира-мурзы Салимша-мурза убил ханского тестя черкасского мурзу. Опасаясь мести хана он вернулся со своими силами в Крым к Кантемиру-мурзе. Калга Шагин-Гирей по приказу хана напал на Кантемира-мурзу, который с боями вырвался из Крыма, но его стан был уничтожен, причем погибла захваченная калгой его дочь жена Урака-мурзы, знаменитого князя Петра Араслановича Урусова и ее дети. Кантемир-мурза отбыл в Стамбул «просить перемены царя». Положение Мухаммед-Гирея III и его брата становилось все более шатким. Посланники были извещены властями Кафы о следовании через Азов в Москву двух турецких чавушей с целью проинформировать о скором прибытии туда турецкого посольства. При этом специально оговаривалось, что эту информацию необходимо было держать «тайно от царя» (хана – А.В.)¹⁴⁴.

Речь шла о посольстве Ф. Кантакузина. Посланники С.И. Тарбеев и И. Басов были частично проинформированы о ситуации в Крыму и уже при вступлении в крымские улусы на подходе к Перекопу получили сведения об угрозе детронизации Мухаммед-Гирея III и замены его Джанибек-Гиреем. 7 октября оба посольства с рвзменными послами выступили из Валук к Москве¹⁴⁵. Посольство С.И. Тарбеева и И. Басова прибыло в Яшлов 27 октября 1627 года.

Итак, отложенная размена была совершена в октябре 1627 г.: «И октября в день писали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии с Волуйки околничей Лев Долматов Карпов да диак Иван Михайлов. Что ис Крыму для посолские розмены крымские мурзы на Волуйку пришли и розмену с ними учинили, государевых посланников Дмитрея Скуратова да подьячево Микиту Посникова и крымских новых посланников приняли. А новых государевых посланников Степана Тарбеева да подьячего Ивана Басова и крымских старых послов и посланников в Крым отпустили. А дворяном и детям боярским и казаком государево жалование по государеву указу роздали и ропустили по домам». Правительство царя Михаила Федоровича в конечном итоге сумело сохранить регулярные дипломатические «ссылки» с Крымом в условиях структурного кризиса Крымского юрта чреватого стремительным изменением военно-политической ситуации в Восточной Европе. В Посольском приказе рассматривали как возможность сохранения престола за Мухаммед-Гиреем III так и возможность смещения его с престола Портой. 8 января 1628 года началась подготовка к новой размене. Посланниками были назначены Лаврентий Александрович Кологривов и подьячий Александр Дуров, «разменными послами» окольничий Федор Леонтьевич Бутурлин и дьяк Воин Трескин. В ожидании известий из Крыма размена была отложена, хотя в мае Разрядный приказ приступил к формированию «провожатых». Так как на «крымских улусах учинился Джанибек-Гирей царь, который наперед сего в Крыму был» посольство с отпущенным посольством прежнего хана Сулеймана-аги выступило из Москвы только 5 сентября 1628 года после того как новый хан «прислал к государю к Москве гонцов своих»¹⁴⁶. Предстояла очередная размена под Валуйками с отпущенным посольством С.И. Тарбеева и И. Басова и первым посольством хана Джанибек-Гирея. Посольство С.И. Тарбеева и Басова пережило

в Крыму всю эпопею борьбы Мухаммед-Гирей III и калги Шагин-Гирей с Джанибек-Гиреем в 1628 году – вторжение в Крым орды Кантемира-мурзы, штурм князем Петром Урусовым Бахчисарая, приход запорожских союзников калги Шагин-Гирей и высадку османских войск водворивших после кровавых боев на престоле нового-старого хана. Злоключения посольства, скрывавшегося в «жидовском городе» завершились приемом 20 июля 1628 года у хана Джанибек-Гирей, которому они, поздравив с водворением на престоле, красочно описали «насильства и грубость» смещенного хана и особенно калги Шагин-Гирей, поведав о приближающемся раз-

рыве с ними Москвы. В ответ Джанибек-Гирей заявил им о признании своей шерти 1614 года перед посланником князем Г.К. Волконским и восстановлении «дружбы братства и любви» с московским государем. Ханом было объявлено об отправлении в Москву посольства и о скором отпуске посланников¹⁴⁷. Таким образом усилия московской дипломатии по поддержанию любой ценой «ссылки» с Крымом казались увенчались успехом. Предстояло переформатирование договорных отношений с новым ханом и новый обмен посольствами. Начинаясь новый период посольских размен под Валулками.

¹ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Издат. Центр Ин-та рос. Истории РАН, 2003. С. 103; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 98.

² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 103–105; Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Вып. 94. Т. II. М., 1946. С. 10–12.

³ Виноградов А.В. Русско-крымские посольские размены 1620–1623 гг. // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 7. Белгород: Издательство Сичкаревой Е. В., 2022. С. 36.

⁴ Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. С. 36; от воеводы М.И. Лодыженского: от марта 1621 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1621 г. Д. 1 Л. 1–2, Л. 4–6), от октября 1621 г. (1621 г. Д. 14. Л. 3) от мая 1622 г. (1622 г. Д. 2. Л. 105–106); Воеводе М.И. Лодыженскому: от 13 апреля 1621 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1621 г. Д. 1. Л. 7), от 9 октября 1621 г. (1621 г. Д. 7. Л. 34), от апреля 1622 г. (1622 г. Д. 2. Л. 47).

⁵ Виноградов А.В. Русско-крымские посольские размены 1620–1623 гг. С. 32–37.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1622 г. Д. 11. Л. 29–34.

⁸ Там же. Оп. 1. 1623 г. Д. 9. Л. 63–66.

⁹ Виноградов А.В. Русско-крымские посольские размены 1620–1623 гг. С. 32–37; Байберин и крымцы прибыли 8 июня и 9 июня были отправлены в Москву (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 2. Л. 7, Л. 9).

¹⁰ Наказ посланникам в столбцах 123 фонда РГАДА представляет собой два документа: первоначальный от 18 февраля 1623 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 5. Л. 3–15) и исправленный составленный после прибытия в Москву крымских гонцов во главе с Магмутом (Д. 5 Л. 59–298). В документе повсе-

местно зачеркнуто имя Джанибек-Гирей царя, поверх написано «Магмет-Гирей царь». В деле 5 также содержатся материалы о приеме крымских гонцов во главе с Магмутом (Л. 16–58). Аналогичная ситуация и с наказом «разменным послам», в котором также повсеместно изменено имя хана (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 8–15).

¹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 3. Л. 17, 18, 23–37.

¹² Там же. Л. 37–51; Д. 15 Л. 6.

¹³ Там же. Л. 51–54. Документ был опубликован: Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь: тип. газ. «Крым», 1891. Док. №35. С. 45–47.

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 3. Л. 58, 59.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Там же. Оп. 1. 1623 г. Д. 6. Л. 127.

¹⁷ В.Д. Смирнов полагает, что причина была в «интригах сторонников Мухаммед-Герая в Стамбуле»: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса: тип. А. Шульце, 1889. С. 354; Аналогичной точки зрения придерживается А.А. Новосельский, отмечая что все заверения Порты в сохранении престола за Джанибек-Гиреем «не могли быть авторитетными, вследствие постоянной смены везирей»: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 100–101.

¹⁸ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса: тип. А. Шульце, 1889. С. 351.

¹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. Д. 3. Л. 13 (послам А.И. Лодыженскому и Р. Болдыреву).

²⁰ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. II. СПб.: Скоропечатня Яблонского и Перотт, 1892. С. 299.

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 196.

²² Там же. Оп. 1. 1614 г. Д. 1. Л. 114.

- ²³ Сергеев А.А. Наказ данный отправленным в Крым посланникам Амброзию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т. 50. Симферополь, 1913. С. 55.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 3. Л. 2.
- ²⁵ Там же. С. 107–108.
- ²⁶ Указная грамота от 14 августа 1623 г.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 14. Л. 81–82.
- ²⁷ Указная грамота от 5 сентября 1623 г.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 15. Л. 41–42.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 7. Л. 213; 1624 г. Д. 14. Л. 27.
- ²⁹ Там же. Оп. 1. 1623 г. Д. 6. Л. 160.
- ³⁰ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 4. Л. 13–287.
- ³¹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 9. Л. 1.
- ³² Там же. Оп. 1. 1623 г. Д. 6. Л. 177–183.
- ³³ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 10. Л. 12. Другой наказ в Д. 1 за 1624 г. не датирован.
- ³⁴ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 10. Л. 1, 12, 17–18.
- ³⁵ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 1. Л. 8–23, 24–30, 31–69.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. 1614 г. Д. 5. Л. 55; 1615 г. Д. 7. Л. 20; 1616 г. Д. 4. Л. 144; 1617 г. Д. 1. Л. 59; 1618 г. Д. 3. Л. 61.
- ³⁷ Память гонцу также от 18 февраля 1624 г.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 11. Л. 5–10.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 11. Л. 12, 54–67.
- ³⁹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 9. Л. 1, 4–7, 9–12; Д. 10. Л. 22.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 2. Л. 6.
- ⁴¹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 15. Л. 7–29, 38–68.
- ⁴² Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 7. Л. 14.
- ⁴³ Горбатов Е.Н. «Наличный» боярский список 1624 года // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 3. М., 2018. С. 90.
- ⁴⁴ От 19 апреля 1624 г.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 15. Л. 83–84.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 6–10.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 2. Л. 46.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 16–20, 22–27.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 2. Л. 101; Д. 3. Л. 28–29.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 2. Л. 17; Д. 3. Л. 29.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 31–32.
- ⁵¹ Петров К.В. Книга «посольских приемов» 7132–7143 гг. // Делопроизводство Разрядного приказа XVI XVII вв. в официальных и частных рукописях. Исследования и материалы. М.: Древлехранилище, 2018. С. 286.
- ⁵² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 26–43.
- ⁵³ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 286–287.
- ⁵⁴ Там же С. 287–288. Аналогичная грамота в составе «Столбцов крымских дел за 1624 г. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 10. Л. 32–33.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 10. Л. 35–38. По сведениям делопроизводства Разрядного приказа грамота была отправлена 1 ноября: Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 288.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 10. Л. 42–43.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 44.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 2. Л. 105; Д. 3. Л. 44, 45.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 45.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 1. Л. 45; 1624 г. Д. 19. Л. 1, 2.
- ⁶¹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 19. Л. 1.
- ⁶² Сведения К. Байберина рассмотрены: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 115.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1623 г. Д. 7. Л. 313, 317; 1624 г. Д. 19. Л. 4, 5.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 19. Л. 6.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 46–50, 51–82, 83–97, 98–118.
- ⁶⁶ Опубликовано: Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. – Симферополь: тип. газ. «Крым», 1891. Док. №37. С. 50–51.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1624 г. Д. 3. Л. 118–123.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 9. Л. 1–9.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 18. Л. 7–14.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 2–4, 9, 12.
- ⁷¹ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 288.
- ⁷² Там же. С. 208.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 10. Л. 2–12.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 7. Л. 1–207.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 5. Л. 14–20.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 3. Л. 1–157.
- ⁷⁷ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 288.
- ⁷⁸ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 4. Л. 1, Л. 18.
- ⁷⁹ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 1–2.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 4. Л. 28.
- ⁸¹ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 289.
- ⁸² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 4. Л. 135; 1625 г. Д. 6. Л. 28; Прибывший обратно в Валуйку 6 августа 1625 г. Тулуай Бавкеев сообщил, что Яныш Кулушев и новые крымские гонцы в Ливнах (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 11. Л. 38).
- ⁸³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 3.
- ⁸⁴ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 289.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Д. 4. Л. 166, 174–177, 198–199, 205–208.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 41–43.
- ⁸⁷ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 4. Л. 210.
- ⁸⁸ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 31–32, 38.
- ⁸⁹ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 95, 109; 1625 г. Д. 1. Л. 21–27.
- ⁹⁰ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 27–31, 39.
- ⁹¹ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 6. Л. 116.

- ⁹² Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 4, 8, 44.
- ⁹³ Там же. Оп. 1. 1624 г. Д. 6. Л. 117; 1625 г. Д. 1 Л. 44.
- ⁹⁴ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 4. Л. 214–217, 219.
- ⁹⁵ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 37; 1626 г. Д. 2. Л. 1.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 10.
- ⁹⁷ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 35; Д. 2. Л. 8, 11.
- ⁹⁸ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 1–22, 29–32.
- ⁹⁹ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 8. Л. 39, 41, 45; 1626 г. Д. 1. Л. 1–2, 4–5.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 8, 13–18.
- ¹⁰¹ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 2. Л. 22–29, 30–35, 36–41, 46–47.
- ¹⁰² Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 304.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1626 г. Д. 7. Л. 1–149, 158 (отписка воеводы в Валуяхах Н.В. Оладына).
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 2. Л. 42.
- ¹⁰⁵ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 7. Л. 160, 162, 175.
- ¹⁰⁶ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 5. Л. 23–25.
- ¹⁰⁷ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 7. Л. 185.
- ¹⁰⁸ Горбатов Е.Н. «Наличный» боярский список 1626 года // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 13. М., 2023. С. 262; Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1: 1612–1628 г. СПб.: в Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Стб. 845; «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов: сборник документов. М.: Древлехранилище, 2015. С. 147.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1626 г. Д. 7. Л. 157, 292.
- ¹¹⁰ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 17, 19, 20, 25.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 8. Л. 30–31.
- ¹¹² Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 69.
- ¹¹³ Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 8. Л. 80–81, 83; 1627 г. Д. 1. Л. 76, 78.
- ¹¹⁴ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 107.
- ¹¹⁵ Там же. Оп. 1. 1626 г. Д. 5. Л. 44; Д. 7. Л. 212, 213.
- ¹¹⁶ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 304–305.
- ¹¹⁷ Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. С. 164; Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1: 1612–1628 г. СПб.: в Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Стб. 834.
- ¹¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1626 г. Д. 5. Л. 46.
- ¹¹⁹ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 2. Л. 116–128.
- ¹²⁰ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 108–109.
- ¹²¹ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 2. Л. 43.
- ¹²² Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 310.
- ¹²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1626 г. Д. 5 Л. 59–62, 68.
- ¹²⁴ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 2. Л. 43.
- ¹²⁵ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 310.
- ¹²⁶ Акты Московского государства, изданные Имп. Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. Т. 1. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 203–204.
- ¹²⁷ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 310.
- ¹²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 3. Л. 1–40. Документ сохранился в столбцах без заглавия и начала с перепутанными листами. Датировка отсутствует.
- ¹²⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 1.
- ¹³⁰ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 310–311.
- ¹³¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 3. Л. 61, 66–98, 100–112.
- ¹³² 14 марта 1627 г. крымские гонцы выступили из Серпухова: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 19. Дата прибытия гонцов в Москву не зафиксирована: В 135-м году пришли из Крыму гонец Добр-Алей с товарищи 22 человека. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. Д. 8. Л. 4.
- ¹³³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 34–48.
- ¹³⁴ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 311.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 3. Л. 220.
- ¹³⁶ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 171.
- ¹³⁷ Отписка была получена 12 июля (Акты Московского государства... С. 215).
- ¹³⁷ Акты Московского государства... С. 210–212.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 3. Л. 246, 248–258, 260–261.
- ¹⁴⁰ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 2. Л. 181–182.
- ¹⁴¹ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 173–174.
- ¹⁴² Там же. Оп. 1. 1625 г. Д. 8. Л. 126–129, 130–135; 1627 г. Д. 1. Л. 174–175, 180–181, 191–192.
- ¹⁴³ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 3. Л. 263–264, 268–272.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 195–196. Подробнее см. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 118–119.
- ¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1627 г. Д. 3. Л. 272.
- ¹⁴⁶ Петров К.В. Книга «посольских приемов»... С. 313, 328–329.
- ¹⁴⁷ Савелов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626–1628 гг. Репр. воспроизведение изд. 1906 г. М., 2019. С. 74–76.